

Н. МИШЕЕВЪ

БОРИСЪ ГРИГОРЬЕВЪ

I

Просмотрите снимки съ работъ Григорьева. Вы увидите, что художника, главнымъ образомъ, заинтересовало человѣческое лицо, а на этомъ лицѣ — глаза. Очень часто можно къ нимъ присоединить и руки.

И глаза, и руки персонажей Григорьева навязчиво, мучительно требуютъ, чтобы вы всмотрѣлись въ нихъ и... прислушались къ тому, что они „говорятъ“.

Григорьевъ — художникъ, который гдѣ-то и когда-то услыхалъ полный глубокой тайны разговоръ. Бесѣдующихъ не видѣлъ и самой тайны не постигъ, ибо въ нужный моментъ смутился вдругъ, потрясенный однимъ только отблескомъ тайны. Въ смущеніи потерялъ остроту слуха, а, слѣдовательно, и возможность узнать самое нужное. Эта возможность приходитъ въ жизни только одинъ разъ, и лишь гени не теряются въ такую минуту.

Предметомъ разговора и, конечно, тайны является съ испоконъ вѣковъ и „даже до сего дне“ громко-возглашаемый вопросъ: — „что есть человѣкъ?“ — и едва слышимый, съ долгимъ притомъ разъясненіемъ, отвѣтъ на него.

Никому еще не удалось услышать все „разъясненіе“, и вопросъ, поставленный царемъ Давидомъ Самому Богу, остался въ глубокой сущности своей безъ должнаго отвѣта.

— „Господи! Что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его?!..“

Тема религіи, философіи, исторіи, искусства и поэзіи... Единственная тема! Многогранная... Знать одну „грань“ ея не значитъ постигнуть вопросъ всесторонне, а, между тѣмъ, это замѣчается сплошь и рядомъ у философовъ, поэтовъ и художниковъ: „грань“ выдается за цѣлое. Чѣмъ талантливѣе „дѣлатель“, тѣмъ у него выходитъ это убѣдительно и настолько, что вы готовы согласиться съ нимъ, а, слѣдовательно, съ его приговоромъ о человѣкѣ вообще, ибо не забудемъ, что вокругъ насъ все время идетъ рѣчь только о человѣкѣ и о тайнѣ его личности.

Въ первый періодъ своего творчества Григорьевъ обратился только къ человѣку, пытаясь разгадать его личность, которая уже давно поразила его. Можетъ быть, произошло это еще въ раннемъ юношествѣ, когда онъ не отдавалъ себѣ и отчета, что, собственно, его захватило, что именно беспокоитъ... По матери онъ, кажется, скандинавецъ, во всякомъ случаѣ, не русскій. Вліяніе матери было большимъ. Окружающая русская, временами провинціальная и даже деревенская обстановка совершенно не вязалась съ „заповѣдями“ матери, съ „Европой“, что шла отъ нея, съ большими требованіями къ человѣку, созданному по мѣркѣ чуть-ли не Ибсена и Ницше. Григорьевъ передавалъ мнѣ, что его всегда, съ дѣтскихъ лѣтъ, нѣсколько „коробилъ“ ликъ русской „деревенщины“. Надѣленный даромъ „видѣнія“ человѣка, стремленіемъ понять его духъ - личность... Создавшій себѣ нѣкое „теоретическое“ представленіе о какомъ-то настоящемъ человѣкѣ... (Григорьевъ и теперь, какъ онъ говорилъ, любитъ Ницше). Мучимый отъ юности сознаниемъ несоответствія своего идеала съ дѣйствительностью, Григорьевъ вошелъ въ возрастъ молодого человѣка съ безпокойствомъ, съ раздвоенностью, съ протестомъ, съ какою-то дерзостью и обидой, что и сказало сразу на его художественно-бунтарской дѣятельности, вызвавшей недоумѣніе и негодование профессоровъ и академиковъ, увидѣвшихъ, что ученикъ вдругъ сбросилъ свой „гимназическій мундиръ“ и пошелъ наперекоръ всему, заявивъ о себѣ, какъ о самостоятельномъ художникѣ, желавшемъ считаться только съ самимъ собою или съ тѣми, кто отвѣчаетъ складу и строю его мироотношенія. Этотъ періодъ сказалося у Григорьева характернѣе всего въ „линіи рисунка“, своенравной, капризной, невѣроятно-смѣлой, дерзостной, „линіи“ „некрасивой“ съ точки зрѣнія „красивости“, а потому избравшей себѣ „сюжетъ“ тревожный, пугающій „мирно-настроеннаго гражданина“. Парижъ, — куда поѣхалъ въ то время Григорьевъ, — такіе худож-

ники, какъ Сезаннъ, Ванъ-Гогенъ, утвердили, съ одной стороны, Григорьева въ „дерзостной линіи“, а съ другой — ввели его уже въ міръ красокъ. Но въ этотъ послѣдній міръ нашъ художникъ войдетъ, и съ головой, много позднѣе, всецѣло отдавшись искусству, какъ искусству. А пока надо ему пережить еще, по терминологіи Ницше, „слишкомъ человѣческое“ въ собственной и чужой душѣ, „выговорить“ его, попытаться за „слишкомъ человѣческимъ“ открыть какую-то и сконную суть человѣческаго облика, очистивъ послѣдній отъ „вѣковой коры“ привычекъ, „масокъ“, условностей, лжи и тѣмъ добратся до „истинно-человѣческаго“, дѣвственнаго, на днѣ котораго, навѣрное, и находится отвѣтъ на вопросъ, что такое человѣкъ.

Къ рѣшенію этой великой и чрезвычайно сложной задачи Григорьевъ подошелъ съ громаднымъ талантомъ, обуреваемый жаждой изслѣдованія, увѣренный въ своихъ силахъ, блестяще уже овладѣвшій техникой письма, но безъ душевнаго мира, мудраго взора и того спокойствія, о которомъ Пушкинъ сказалъ, что „оно есть необходимое условіе прекраснаго“. Портретъ паясничающаго Мейерхольда (музей Александра III), замѣчательный, какъ по идеѣ, вложенной въ него, такъ и по прекрасной формѣ, острота которой отвѣчала остротѣ самой идеи, является лучшимъ доказательствомъ, примѣромъ творчества Григорьева тѣхъ годовъ. Но портретъ этотъ одновременно вызывалъ и тревожныя думы. Куда пойдетъ художникъ, такъ почувствовавшій и такъ выразившій изломъ, „актерство души“ паяца Мейерхольда?.. Писался, вѣдь, портретъ „злобно“, неравнодушно. Писала не только кисть, но и душа, объята, горѣвшая мечтой о человѣкѣ и вынужденная писать паяца. Трагедія художника чувствовалась здѣсь, и думалось, стоя передъ этимъ портретомъ: „Григорьеву лучше не попадаться. Онъ — озлобленный. Онъ можетъ на частностяхъ сыграть, какъ на общемъ, и, выдавъ первое за послѣднее, „громыкнуть“ на весь міръ накипѣвшимъ въ душѣ его недовольствомъ, брезгливостью, болью и страданіемъ, большимъ страданіемъ отъ сознанія, что нѣтъ въ мірѣ Брандтовъ, Солнесовъ, Заратустры и разныхъ „викинговъ“, а

есть только тѣ „особы“, которыхъ гоголевскій городничій увидѣлъ вокругъ себя въ образѣ „рыль“.

II

И вотъ Григорьева „накрылъ“ „Октябрь“. Поднялось вдругъ все россійское подполье. Вездѣ показалось „рыло“, сидѣвшее раньше на задворкахъ. Поднялся на ноги „никудашникъ“, проснулась „недотыкомка“, кривляясь выползли изъ всѣхъ щелей „бѣсы“. Вылѣзли „лѣшіе“ и „домовые“, а за ними и вся спавшая много вѣковъ нечисть. Всѣ они заняли первыя мѣста въ „соціалистической республикѣ“, расположившись на „буржуазныхъ диванахъ“ и заживъ въ свое удовольствіе. Народъ, увидѣвъ это, рѣшилъ въ первую минуту, что надо походить на новыхъ „господъ“, а потому „разоблачился“, развернулся, и открылось на тяжкое мгновение лицо русскаго человѣка, не то лицо, которое создало чудесныя пѣсни, сказки, крѣпкій бытъ, упорство въ трудѣ, горячую молитву, красивый храмъ, подвиги на войнѣ и въ жизни, „крестьянскую пирушку“ Кольцова и культъ „Божьяго гостя — хлѣба“... Нѣтъ, показалось „рыло“ Пугачевщины, поножевщины, дикаго пьянства, невѣроятной жестокости, ограниченности, тупости, глупости, нахальства, чубаровщины... Показалось что-то ужасно-примитивное, элементарное.

Все это больно-больно ударило Григорьева...

Вызвало въ немъ непередаваемую словами ненависть... Убѣдило, да, именно убѣдило, а не открыло только теперь, въ достовѣрности его пессимистическаго взгляда на человѣческую природу... Подрѣзало очень его прирожденный романтизмъ, ибо весь реализмъ Григорьева, ничѣмъ не прикрытый, безжалостный, есть только месть за поруганные, неосуществившіеся высокіе идеалы. Въ результатѣ всего этого появилась знаменитая Григорьевская „Расея“, создавшая ему мировую славу своими „образами“, заставившая всѣ страны Европы и Америку обратить вниманіе на русскаго художника, раскупить его „Расею“, перепечатать снимки съ нея въ тысячахъ журналовъ и газетъ и... и лишній разъ подчеркнуть, какъ была права Европа и весь культурный міръ, если они видѣли всегда въ русскомъ народѣ „рыло“ звѣря, а не лицо че-

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Всев. Мейерхольдъ
V. Meierhold

Б. Григорьевъ
B. Crigorieff

Старуха. („Расея“)
Une vieille femme („La Rasseia“)

ловѣка, что, слѣдовательно, большевизмъ — это дѣло русскаго человѣка, плоть отъ плоти и кровь отъ крови его...

На эту тему была написана не одна сотня статей. На эту тему писали съ большимъ удовольствіемъ. Этимъ „удовольствіемъ“ „культурный міръ“ расплачивался за свой вѣчный страхъ предъ „казаками“...

Очень много, въ противоположность иностранцамъ, ругали Григорьева его соотечественники, обидѣвшись за сплошь отрицательное изображение имъ русскаго человѣка...

Надо во всемъ этомъ разобраться. Надо какъ можно внимательнѣе остановиться на „сюжетъ-содержаніи“ картинъ Григорьева, оставивъ пока въ сторонѣ „художество“ ихъ. Что дѣлать! Онъ надѣлалъ шума именно своимъ сюжетомъ, отодвинувшимъ на второй планъ то могучее искусство, съ какимъ сюжетъ этотъ получилъ совершенное выраженіе.

Итакъ, прежде всего, я думаю, ясно, что Григорьевъ пришелъ къ своей „Расеѣ“ не подъ непосредственнымъ вліяніемъ пресловутаго „Октября“, а въ силу особенностей своего душевнаго склада, сложившагося отчасти подъ вліяніемъ извѣстныхъ семейныхъ условій... „Октябрь“ далъ только громаднй матеріалъ, на который и накинулся заранѣе подготовленнй

къ нему художникъ. Это, слѣдовательно, не то, когда человѣкъ вѣрилъ, любилъ, чтить и въ ужасѣ, отчаяніи отвернулся на другой день, увидѣвъ предъ собой нѣчто абсолютно-противоположное своему представленію. Этимъ объясняется, почему Григорьевъ разглядѣлъ въ „Октябрѣ“ только „Расею“ и больше ничего, почему онъ не замѣтилъ „лика“, а увидѣлъ вездѣ одно „рыло“. О, онъ, этотъ замѣчательный и глубокій художникъ, въ концѣ концовъ запечатлѣлъ и ликъ Россіи, иконно-страдающій, но здѣсь помогли ему московскіе художественники, пріѣхавшіе въ Парижъ и показавшіе „Федора Юанновича — Москвина“. „Собственнымъ - то умомъ“ Григорьевъ не пришелъ къ Федору Юанновичу, сокровеннѣйшему лику мучимой и страдающей, немощно-святой Руси, а не „Расеи“. Возможно, что если бы Григорьевъ, въ силу особенностей своего таланта, не былъ подготовленъ къ „Октябрю“, то писалъ бы и „рыло“, и „ликъ“, явивъ міру не „грань“ русскаго человѣка, а, по возможности, всего... Увы, нашъ художникъ былъ predeterminedъ создать „Расею“, удовлетворивъ въ ней свою наклонность изображать „рыло“ вообще, и тѣмъ, подобно Гоголю, избавиться отъ какихъ-то „свойствъ“ въ собственной душѣ.

— „Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ“, то Пуш-

кинъ... началъ понемногу становиться все сумрачнѣе и сумрачнѣе и, наконецъ, сдѣлался совершенно мрачнымъ... Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ, полнымъ тоски: — „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карриатура и моя собственная выдумка!.. Герои мои... всѣ изъ души... Во мнѣ не было какого-либо одного слишкомъ сильнаго порока... но зато во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей... По мѣрѣ того какъ онъ стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ; необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, стараясь изобразить его въ

видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало“...

Конечно, Пушкинъ былъ правъ, ибо Ноздревы, Чичиковы, Коробочки, Собакевичи, Мониловы были...

Но правъ и Гоголь, заявившій, что „герои мои... всѣ изъ моей души“.

Не слѣдуетъ изъ сказаннаго, что и Григорьевъ, рисуя „Расею“, былъ абсолютно похожъ въ процессѣ и характерѣ своего творчества на великаго писателя...

Но если душа обыкновеннаго человѣка тайна, то художника — тѣмъ болѣе... „Расейскій человѣкъ“ съ „Октябремъ“ поднялся во весь свой ростъ, но увидѣлъ его только Григорьевъ.

Важно здѣсь замѣтить, что Гоголь отъ своихъ „свойствъ“, олицетворивъ ихъ въ Ноздревыхъ и комп., избавился весьма относительно. Онъ ничего другого не могъ дать взамѣнъ ихъ,

Б. Григорьевъ
V. Grigorieff

Старикъ („Расея“)
Un vieillard („La Russie“)

а, слѣдовательно, и своей душѣ. Отсюда его трагедія, какъ конечный результатъ того, что онъ не увидѣлъ выхода, освобожденія, хотя бы въ процессѣ творчества, иначе, въ самодовлѣющемъ искусствѣ, гдѣ главное — это начало аполлоническое, т. е. начало красоты и гармоніи формы. И, конечно, Гоголь сознавалъ это, если завидовалъ Пушкину съ его: „порой опять гармоніей упыюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь“!..

„Въ настоящее время, — говорилъ не безъ волненія мнѣ въ 1928 г. Григорьевъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Чили, — я окончательно расстаюсь съ заполонившими раньше душу мою „расейскими образами“. Я иду теперь въ царство чистой живописи, всѣми силами стараюсь овладѣть тѣмъ совершенствомъ формы, безъ которой не можетъ быть истиннаго искусства. На вершинахъ его уже нѣтъ національности въ ея тѣсномъ смыслѣ. Тамъ примиряются всѣ національныя различія, объединяемыя культомъ того общечеловѣческаго начала, выраженію котораго и посвящено подлинное искусство. Здѣсь царство искренняго чувства. Здѣсь форма, теряя всю свою сложность и частую надуманность (бѣда современнаго, такъ называемаго „лѣваго искусства“) такъ же проста и серьезна, какъ само чувство. Только здѣсь я лично начинаю обрѣтать для себя радость полнаго собой творчества“...

Итакъ, предъ нами побѣда аполлоническаго начала: „гармоніей упыюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь“...

Въ вышеприведенныхъ словахъ своихъ художникъ сказалъ, что „теперь я окончательно расстаюсь съ „Расеей“. Значитъ, разставаніе началось уже раньше, какъ и „самоосвобожденіе“ и зарожденіе способности видѣть не только „звѣрино“ въ человѣкѣ.

Нашей задачей будетъ теперь прослѣдить этотъ процессъ творчества Григорьева, закончивъ характеристикой пріемовъ его письма и нѣкоторыми біографическими данными самого художника.

III

Если на большомъ полотнѣ „Расея“ Григорьевъ нарисовалъ какой-то кругъ дантовскаго рая, гдѣ люди, животныя, земля и избы слиты были въ одну раскосую, свирѣпо-глупую, лишенную всякаго намека на истинно-человѣческое рожу (эта „Расея“ и восхитила иностранцевъ), то на отдѣльныхъ, индивидуальныхъ образахъ, а ихъ художникъ сдѣлалъ очень много, мы уже этого почти не видимъ. Вглядитесь хотя бы на помѣщенныхъ въ журналѣ: „Мальчика“, „Крестьянина“, „Старуху“, „Дѣвочку съ кувшиномъ“ и даже „Заводскаго“. Да, некрасивы они всѣ. Пугаютъ. Сурова, жестка, безсердечна, изрыта „вѣковѣчными“ морщинами, какъ глубокими бороздами растрескавшаяся земля, стоитъ „Старуха“ съ коровой, глазъ которой, кажется, вотъ-вотъ „крикнетъ“ о томъ, надъ чѣмъ „не думая, думаетъ“ жуткая старуха. Но „бросить камень“ въ эту старуху вы не можете...

Она такъ много жила, видѣла, работала, страдала въ „лапахъ жизни“, что подъ конецъ жизни, вырвавшись изъ нихъ, имѣетъ право быть такой, какой вы ее теперь находите. Старуха много знаетъ. Она — „расейская сибилла“, и по мощи, съ которою художникъ передалъ ее, вызываетъ въ памяти Кумейскую Сибиллу Микель-Анджело...

„Старикъ“ — крестьянинъ близокъ къ старухѣ по своему опыту жизни и „знанію“. Онъ видитъ насквозь. Да, это русскій мужикъ какой-нибудь центральной губерніи изъ медвѣжьяго угла. Волею судьбы онъ сейчасъ „хозяйинъ“ барскаго помѣщичьяго дома, въ палатахъ котораго художникъ его и нарисовалъ. Ясный взглядъ старика совсѣмъ не знаетъ жалости, состраданія. Онъ странно равнодушенъ, какъ сама жизнь и природа. Но развѣ вы имѣете право ругать, бранить эту природу?.. Защищайтесь отъ нея, чѣмъ можете, но не идите, на примѣръ, голымъ на 30⁰-ый морозъ. Пропадете...

„Мальчикъ“ съ раскосыми больными-больными глазами, разбитымъ приплюснутымъ носомъ, давно нестриженный, невымытый заставляетъ сжаться ваше сердце, — такъ много знакомой боли въ этомъ „расейскомъ образѣ“... „Заводской“ — типичный хулиганъ, „вырожденецъ“, дегенератъ. Этотъ прищуренный лѣвый глазъ, полураскрытый ротъ, громадный носъ, испитое лицо, невѣроятная тупость мысли — говорятъ, что онъ не задумается убить, „сдѣлать вообще мокрое дѣло“. Ему это нипочемъ, какъ нипочемъ, если его схватятъ на мѣстѣ преступленія и повѣсятъ... Что и кто его сдѣлали такимъ? Пьяные родители, вѣчная нужда, фабричное озорство... Наставлялъ его кто-либо, училъ? Били въ свое время, потомъ выгнали на улицу, „опредѣлили“ на фабрику... „Дѣвочка съ кувшиномъ“ безконечно напугана „видѣніями деревни“. Въ ея широко-раскрытыхъ глазахъ и недоумѣніе, и страхъ. Она видитъ многое, знаетъ и ничего не понимаетъ, дѣлаясь постепенно „манекеномъ“...

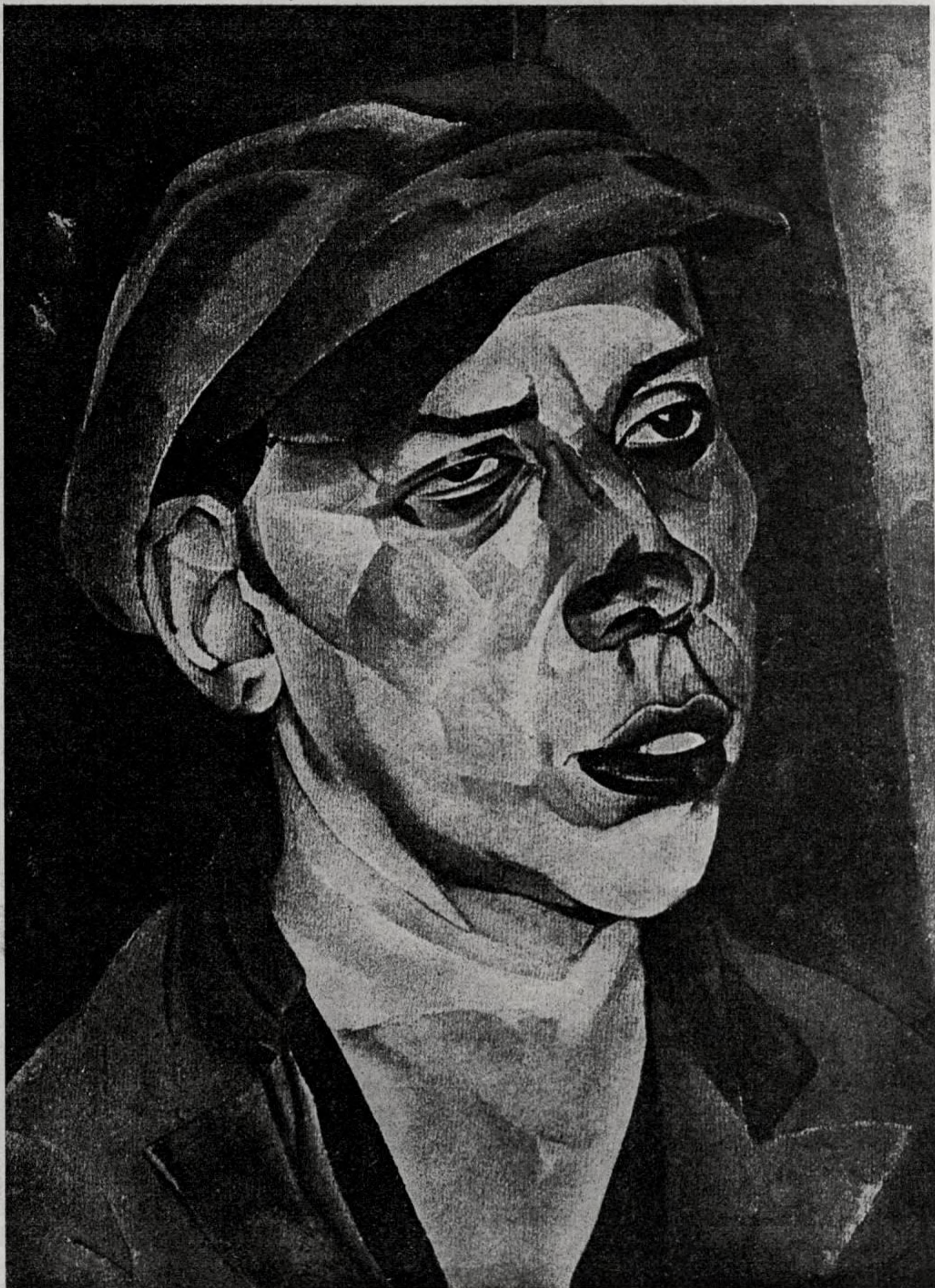
Во всей этой „Расеѣ“ „рожа“ не покрываетъ лица, которое, въ одномъ случаѣ больше, въ другомъ — меньше, даетъ какимъ-то путемъ „вѣсточку“ о себѣ, что и примиряетъ васъ съ художникомъ, душевную драму котораго вы можете предполагать, ибо не легко видѣть „рыло“ на человѣческомъ лицѣ и очень больно изображать, „выписывать“ это „рыло“.

Чувство душевной боли заставило нашего художника тѣсно-тѣсно связать эту боль съ человѣкомъ, увидѣвъ въ ней стимулъ пробужденія въ человѣкѣ всего истинно-человѣческаго. Здѣсь художникъ нашелъ выходъ изъ „камеры“, полной „рожь“ и не только „расейскихъ“. Познакомьтесь, на примѣръ, съ бретонцемъ, который хочетъ угостить васъ крабами. Его лицо немногимъ лучше „расейскаго“, а по моему, даже хуже. Тамъ хоть печать чего-то необычнаго, а здѣсь одна лишь тупость и боязнь, что вы не купите крабовъ, за которые спрошено втридорога.

Но въ данную минуту насъ интересуеъ не бретонецъ, а „Старуха - бретонка“ и особенно картина „Бѣдность“.

У старухи, можетъ быть, всѣ сыновья—рыбаки утонули въ морѣ. Въ концѣ своей долгой, трудовой, безпокойной жизни она сейчасъ одна - одишенька. О прошедшей жизни напоминаетъ ей теперь лишь модель парусной лодки, что стоитъ за ея спиной. Боль одиночества, заброшенности подѣ старость и подчеркнулъ Григорьевъ. Нужно - ли говорить, какъ удивительно художественно выполнилъ онъ поставленную себѣ задачу?

Съ замѣчательной силой написана картина „Бѣдность“. Вся жизнь остановилась здѣсь. Глаза матери — цѣлый мѣръ безнадежной, безпросвѣтной борьбы, тупого отчаянiя, страннаго ожиданiя еще болѣе худшихъ дней. Мать, дѣйствительно, какъ - то не живетъ... Она замерла, забыла все окружающее и даже ребенка, котораго машинально держитъ на колѣняхъ. Въ ручкѣ мальчика кусокъ хлѣба. Онъ потянулся къ нему, но не ѣстъ. „Что-то“ шевельнулось въ маленькой душѣ, и ребенокъ, не отдавая себѣ отчета, глубоко надѣ чѣмъ-то задумался. Жизнь у него также „свернулась“...

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Заводской
Un usinier

Убога, однообразна, придавлена бѣдностью и вся обстановка жилища бѣдняковъ. Бѣдность здѣсь, какъ нѣкое живое существо, смотритъ изъ всѣхъ угловъ, разставивъ повсюду свою паутину, въ которой навсегда „запутаны“ мать съ сыномъ...

IV

На венеціанской интернаціональной выставкѣ 1926 г. Григорьевъ выставилъ картину „Материнство“. Она обратила на себя всеобщее вниманіе.

И въ самомъ дѣлѣ, художнику на рѣдкость удалось выразить всю радость, непорочность, чистоту молодой женщины, ставшей матерью.

Нельзя вдосталь налюбоваться на это милое, простое - простое женское лицо, въ глазахъ котораго отражается безмятежность души, сознание, соединенное съ нѣкоторою гордостью отъ званія: „мать“! Совершенно полный кругъ назначенія женщины, прекраснѣ котораго ничего быть не можетъ, и художникъ сумѣлъ показать этотъ кругъ, а, слѣдовательно, впервые сталъ здѣсь на ступень утвержденія жизни и преклоненія предъ человекомъ - матерью. Это уже несомнѣнный сдвигъ въ міросозерцаніи Григорьева, переломъ и даже противоположный полюсъ. Отъ „рыла“ „расейскаго“ и бретонскаго; отъ грязныхъ морскихъ кабаковъ съ ихъ пьяными и развратными кліентами обою пола; отъ пессимизма и часто безысходнаго взгляда на жизнь — отъ всего этого къ „Материн-

ству“!.. Согласитесь, что переходъ колоссально великъ и мучителенъ. Но онъ сдѣланъ. Онъ свидѣтельствуетъ о большомъ душевномъ ростѣ художника, о побѣдѣ его надъ самимъ собою и того ранняго періода, когда не было еще и рѣчи на тему, что „все благо, бѣднія и сна приходитъ часъ опредѣленный“. Въ „Материнствѣ“ это уже есть и, притомъ, показано ярко и убѣдительно.

Но перейдемъ къ портретамъ Григорьева.

Всмотримся въ портреты — Сергѣя Есенина и Ф. Шаляпина.

— „Я написалъ Есенина, — говоритъ Григорьевъ, — хлѣбнымъ и ржанымъ. Онъ у

меня представленъ, какъ спѣлый колосъ подъ истомленнымъ лѣтнимъ небомъ, въ которомъ гдѣ-то заломила уже свои руки жуткая гроза... Волосы Есенину я написалъ цвѣта свѣтлой соломы, такіе у него и на самомъ дѣлѣ были... Въ Есенинѣ я очень много, до избытку много видѣлъ отъ иконописи старорусской и такъ его писалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нашель я въ Есенинѣ нѣчто особое, ему одному свойственное, дерзость его нѣкоторая, отмѣченная мною въ прожигающей слегка улыбка, улыбка падшаго ангела, что сгибала вѣки его голубыхъ, васильковыхъ глазъ. Есенинъ, конечно, погибъ потому, что не могъ ни понять, ни принять Европы. Услыхалъ я, что Есенина, въ бытность его въ Парижѣ, посадили въ сумасшедшій домъ... Я громко тогда заявилъ: „Есенина надо отослать

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Мальчикъ („Расея“)
Garçon russe („Rasseia“)

въ Россію, а не въ сумасшедшій домъ"... На портретъ Есенинъ изображенъ на фонѣ деревни и полей. Рампа, очень подходящая для этого большого поэта-самородка, вышедшаго изъ самой гущи деревенской, мужицкой жизни.

Шалыпина Григорьевъ показаль въ домашней обстановкѣ, развалившимся въ креслѣ съ раскрытымъ воротомъ рубахи. Пожилъ великій артистъ, и жизнь здорово вспахала его сильное, грубоватое лицо... Какіе мѣшки, бугры, морщины!.. Отяжелѣлъ Федоръ Ивановичъ... Грузенъ и тяжелъ сталъ на подъемъ. Года не тѣ, чтобы легко и свободно носить свое большое тѣло. Вонъ даже и губы у него распустились... Но глаза еще много очковъ впередъ дадутъ любому, и въ молодые годы существу...

V

Изъ пейзажей Григорьева мы даемъ одинъ — цикла „Бретань“ — это старый городъ Понтъ-Авенъ. На этой картинѣ художнику удивительно удалось передать строгія, какъ бы окаменѣвшія архитектурныя формы суровой Бретани. Посмотрите, какъ методически группируются всѣ эти дома съ своими острыми крышами вокругъ вздымающейся къ небу колокольни; какъ своеобразны эти „горизонты“ Понтъ-Авена съ сухими дорогами, окаймленными группой деревьевъ. Стариной средневѣковой провинціи вѣетъ отъ домовъ и улицъ такого городка и замкнувшейся въ себѣ жизни, не хотящей знать ничего другого, кромѣ себя самой.

Композиціонно прекрасенъ этотъ Понтъ-Авенъ, т.-е. мастерство художника захватываетъ уже васъ здѣсь, но развѣ мы попутно уже не восторгались такимъ мастерствомъ, когда разбирались въ „сюжетъ“ произведеній Григорьева?.. Пусть мы вслухъ не говорили объ этомъ, но, вѣдь, разумѣлось само собою, что захватившее насъ содержаніе потому и раскрылось предъ нами, что было заключено въ соотвѣтствующей для него формѣ. О ней мы и хотѣли бы сейчасъ поговорить, но предварительно остановимся еще на томъ „содержаніи“ картинъ Григорьева, которое мы видимъ въ образахъ „Федора Іоанновича“, „Васьки Пепла“ и „Дитяти міра“. Они даны у насъ въ краскахъ.

Для Григорьева было, дѣйствительно, большимъ счастьемъ, что въ эмиграціи онъ встрѣтился „съ московскими художественниками“, увидѣвъ въ исполненіи ихъ „Федора Іоанновича“, „На днѣ“ и „Вишневый садъ“. Геніальное, проникновенное постиженіе „художественниками“ русской души и такое же воспроизведеніе ея, четкое, законченное, „выпуклое“, показали Григорьеву, что кромѣ „Расей“, есть еще и древняя, но полная пророческаго смысла Русь, близкая къ настоящему, какъ и есть такое настоящее, которое неотрывно отъ древней Руси.

Провидца, вдругъ увидѣвшаго будущее, за-

бывшагося въ „духовной истерикѣ“, объятаго страхомъ, сознаниемъ безвыходности и отсутствія путей, страстнаго, несмотря на это, въ своей безумной по напряженію молитвѣ о благѣ родины, отмѣченнаго Судьбой, какъ непремѣнная жертва, и съ радостью идущаго на эту жертву — такого Федора Іоанновича даетъ на сценѣ Москвинъ, и такимъ запечатлѣлъ его въ краскахъ Григорьевъ, представивъ того же царя, но въ исполненіи Качалова, замкнувшимся въ себѣ и въ своихъ безконечныхъ страданіяхъ и коннымъ ликомъ.

Что же увидѣлъ Федоръ Іоанновичъ, если такъ испугался и такъ „застремался“?

Мифическаго русскаго богатыря Василія Буслаевича, возставшаго въ образѣ Васьки Пепла, что глядитъ теперь на васъ съ полотна Григорьева.

Это одно изъ потрясающихъ созданій русскаго искусства — твореніе артиста Бакшеева на сценѣ и художника Григорьева на полотнѣ. Присмотритесь къ нему!..

Конечно, на насъ глядитъ Васька Буслаевъ, что „не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ“, что „до пьяна сталъ напиватися“, что „со пьяницы, ходя въ городъ, народъ уродуетъ“, „разбиваетъ царевы кабаки“... Ему „мужики покорилися и помирились“, одаривъ „чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ“... „Море по колѣна“ Васькѣ! Сталъ онъ „дерзокъ“ и „плюнулъ, прочь отошелъ“, когда на дорогѣ предсказала ему „пуста голова — человѣчья кость“, которую онъ „ногой пихиваль“, предсказала, что „будетъ валятися и Васильева голова“...

„Мать моя — родина, я большевикъ“, пѣлъ въ минуту пьянаго угара Есенинъ.

„Васька Пепель“ Бакшеева — Григорьева одной ногой стоитъ въ мифическомъ прошломъ Руси, а другой — въ настоящемъ времени.

Странно, — однако, это вѣрно, — вѣрно, что изъ-за спины „Васьки Пепла“ выглядываетъ вдругъ чеховскій студентъ Трофимовъ, твореніе артиста Подгорнаго и того же Григорьева. Они показали его „еврействующимъ“... Они захотѣли убѣдить насъ, что Трофимовъ теперь комиссаръ или вѣрующій въ дѣло свое чекистъ. Глаза у него — ограниченнаго фанатика, которому надоѣло ждать, что „черезъ 200 лѣтъ будетъ на Руси хорошо“, а потому онъ съ... помощью „Васьки“ захотѣлъ сейчасъ „рай создать“... Глупый! Связался съ „Васькой“, думая управлять его „буйной головой“... Забылъ, что у Васьки сидѣло въ этой головѣ: „бито много было, граблено... Подъ старость надо душу спасти“... „Васька“, вѣдь, захочетъ „бѣса“ найти, толкнувшаго его на разбой... Не пришелъ бы онъ, въ концѣ концовъ, на поклонъ къ бородатому боярину Лукѣ Клешнину, одному изъ тѣхъ, который „сколачиваль Русь“? Какимъ „слѣпилъ“ его Григорьевъ! Познакомьтесь съ этой фигурой. Она понимаетъ „Ваську“ и позволяетъ ему „гулять“ до поры до времени. Страшный и для „Васьки“ „кулакъ-мужикъ“ смотритъ во всемъ обликѣ Луки Клешнина...

И вдруг, среди всѣхъ этихъ „пророчесствующихъ“ ликовъ григорьевскихъ — „Дитя міра“, которымъ, я сказалъ бы, заканчивается первый періодъ творчества художника и наступаетъ второй.

Онъ сидитъ на пяти холмахъ, и нѣкая вѣчная правда свѣтится въ его безконечно-синихъ небеснаго отсвѣта глазахъ. Онъ необычайно глубоко и серьезенъ, какъ св. Младенецъ Сикстинской Мадонны, котораго очень напоминаетъ. Не прообразъ - ли онъ тѣхъ, дѣлами которыхъ оправдаются бѣды и грѣхи ихъ отцовъ?..

VI

Вездѣ такому богатѣйшему по своему діапазону содержанію, какъ я уже говорилъ, отвѣчаетъ сильная, своеобразная форма. Начните присматриваться къ ней въ мелкихъ рисункахъ Григорьева, гдѣ такъ смѣло, непринужденно „гуляетъ“ его полная экспрессія, неровная, „буйная линія“, все замѣчающая, все подчеркивающая, часто „злобная“, „ироническая“, желающая посмѣяться надъ тѣмъ, что кажется порядочнымъ, установившимся и что въ дѣйствительности полно удушающей пошлости и шаблона. Эта „линія“ у Григорьева полна движенія, жизни и одной ей присущей „красочности“. „Линія“, какъ „скелетъ“ картины, всегда чувствуется у Григорьева, находя свою наибольшую „живописность“ въ рукахъ. Она у художника играетъ роль какого-то чрезвычайно тонкаго хирургическаго инструмента, съ помощью котораго онъ свободно вскрываетъ душу своихъ образовъ, перенося ихъ на полотно. Иногда

она вдругъ теряетъ свою остроту и „боль“, какія, напримѣръ, мы видимъ въ „Бѣдности“, „Старухѣ“, „Заводскомъ“, „Васькѣ Пеплѣ“, „Федорѣ Іоанновичѣ“, „Старикѣ“, и пѣвуче вьется, „ласкается“ въ „Материнствѣ“ и особенно въ „Есенинѣ“, превращаясь въ „Дитя міра“ въ „баховскую фугу“, полную высокаго и торжественнаго смысла, ибо „Дитя міра“, конечно, есть патетическій хораль.

Да, отъ „камаринской къ хоралу“ — таково путь творчества Григорьева.

Послѣднія произведенія Григорьева — это уже чистое искусство, искусство для самого себя. Самодовлѣющая живопись, гдѣ нѣтъ ни „Россіи“, ни „Россіи“, никакой психологіи и философіи, никакого сюжета, а только торжество аполлоническаго начала, освободившагося отъ всякой связи съ Діонисомъ... Очищеніе духа и ощущеніе высшей красоты!

Такой поворотъ свидѣтельствуетъ о необычайномъ душевномъ размахѣ, о побѣдѣ надъ самимъ собой, о восторгѣ предъ открывшимся для художника міромъ вѣчной красоты. Здѣсь художникъ уже удаляется отъ „толпы“. Онъ поднимается слишкомъ высоко надъ нею. Здѣсь она его не всегда пойметъ. Здѣсь онъ далеко не будетъ имѣть прежней популярности.

По независящимъ отъ редакціи нашего журнала обстоятельствамъ, мы не могли воспроизвести въ краскахъ какую-либо одну изъ наиболее совершенныхъ этихъ работъ, а показывать ихъ въ „черномъ“ нѣтъ смысла, ибо красна въ нихъ — все. Впрочемъ, о силѣ краски, живописности кисти Григорьева можно отчасти судить по „Васькѣ Пеплу“.

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Пейзажъ
Un paysage

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Провинція
En province

Я лично, среди чисто живописныхъ работъ Григорьева послѣдняго времени, выше всего ставлю его удивительные „Тюльпаны“ и „Nature mort“, что находятся сейчасъ въ парижской картинной галлерей извѣстнаго мецената А. Я. Доброга, гдѣ можно видѣть не одинъ шедевръ русскаго искусства. Стоя предъ „Тюльпанами“ Григорьева, понимаешь, что такое „чистая живопись“, что такое „пиръ краски“, что значитъ „мертвая“ и „живая“ краска, какъ равно понимаешь, что эстетическое наслажденіе, чуждое введенія въ него какого-либо сюжета, можетъ быть, да и навѣрное, самое возвышающее духъ переживаніе.

Русская живопись вправѣ ожидать отъ Григорьева очень и очень многого...

Борисъ Дмитріевичъ Григорьевъ родился въ 1886 г. въ Москвѣ. Учился въ рыбинской гимназіи, затѣмъ въ Московскомъ Императорскомъ Строгановскомъ Художественномъ Училищѣ. Въ 1912 г. окончилъ Императорскую Академію

Художествъ, вступивъ въ этомъ же году въ „Миръ Искусства“. Съ 1912 по 1914 г. Григорьевъ работаетъ въ Парижѣ, гдѣ создаетъ циклъ своихъ „Парижскихъ рисунковъ“, а вмѣстѣ съ ними и своеобразный стиль собственнаго письма.

Оставивъ Россію въ концѣ 1919 года, Григорьевъ въ 1920 г. является уже членомъ „Berliner Sezession“ и „Всемирной выставки въ Венеціи“. Его личныя выставки имѣютъ мѣсто въ Римѣ, Лондонѣ, Миланѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Нью-Йоркѣ, Бостонѣ и много разъ въ Парижѣ, гдѣ съ 1921 года онъ вступаетъ въ художественную организацію „Осенній Салонъ“. Здѣсь картины его принимаются помимо жюри.

Кромѣ музеевъ Александра III и Третьяковской галлерей, картины Б. Григорьева мы видимъ въ музеяхъ Венеціи, Берлина, Мюнхена, Санъ-Франциско, Нью-Йорка и др. городовъ, а въ Парижѣ — въ Люксембургскомъ музеѣ. О собраніяхъ его произведеній у частныхъ лицъ не приходится уже говорить.

Н. Мишеевъ

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА

ПОМИНАНИЕ

Между нами — имъ и мною — не было
Никогда и ничего.
Но вчера — запѣло звономъ небо ли,
Запорхалъ ли снѣгъ нашъ — не нелѣпо ли?
Вспомнила его.

Подъ фуражкой узкой ученической —
Ликъ нежданно - дорогой
Прелести иконной и дѣвической
Въ кудряхъ свѣтлыхъ, завѣянныхъ вакхической
Русскою пургой...

Смутно помню тамъ, въ его училищѣ,
Баль - концертъ и выходъ мой.
Помню мчащійся автомобиль еще,
Гдѣ въ какой-то радости безсилящей
Ѣхала домой...

Вся Москва, по зимнему затѣйная,
Тамъ, за стеклами, неслась, —
Инейная, бисерно - кисейная,
Милая, узывная, увѣйная,
Закружала насъ!

Слишкомъ пахло, видно, розой чайною
Отъ букета и отъ меня,
Слишкомъ встрѣча не была случайною, —
Но пронзала насъ съ нимъ нѣжность тайная,
Дивно единя.

А потомъ, въ дни, дышащія скверною,
Вдругъ — письмо, какъ цвѣтикъ липы,
Грустное, Руси и мнѣ столь вѣрное..
Ахъ! съ тоски, отъ пули револьверной ли —
Знаю — онъ погибъ.

Слишкомъ чистъ онъ былъ въ нашъ вѣкъ разнузданный.
Могъ ли зла онъ не робѣть?
Жить бы ему послушникомъ въ пустыни,
Ельничкомъ — березничкомъ похрустывать
Да стихиры пѣть...

Но не знаю, взявши поминаніе,
Даже имени его.
Не было-жъ ни слова! ни лобзанія! —
На землѣ двухъ бѣдныхъ душъ свиданіе..
Больше ничего.

Любовь Столица

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПРОШЛА ВЕСНА.

Имени Тани Осиповой.

Пройдетъ зима, придетъ весна, пришла весна, прошла весна. Какая несложная пѣсенка. Уже и лѣто пришло. Уже и лѣто переломилось. Скоро верхушка лѣта. 31-е июля. Какъ быстро все протекаетъ. Все въ потокѣ. Все течетъ. Гераклитъ Лучезарный, котораго слѣпцы наименовали Гераклитомъ Темнымъ, передо мной твои блестящія слова. Пѣвучіе отрывки, долетѣвшіе до меня изъ давнишней твоей изобразительно-напѣвной Эллады, завѣщавшей намъ изваянія безсмертной красоты, сказанія лукавства и смѣлости, созерцанія, мудрости, начатки истиннаго знанія, съ хваткою львиной, съ провидческимъ уразумѣніемъ природы вещей міра сего, — и пѣсни Сафо, слаще которой потомъ не пѣла о женскомъ сердцѣ ни одна женщина, — и твои слова, Провидецъ, мудрѣйшій изъ

всѣхъ, населявшихъ Европу, людей, за нѣсколько тысячъ лѣтъ. Гераклитъ зорко видѣлъ и то, что было въ его душѣ, и то, что всегда творится въ душѣ и въ тѣлѣ Міра. — „А отъ другихъ людей ускользаетъ и то, что бодрствуя дѣлаютъ, какъ и то, что въ дремотѣ“. — „Отъ незаходящаго никогда — какъ ускользнуть кому?“ — „Воскурающія души всегда становятся разумными“. —

Я зналъ такую воскурающуюся душу, — какъ воскурается ароматъ весенняго цвѣтка, — какъ воскурается лампада, въ которой синѣетъ и золотится ладанъ, — какъ воскурается свѣча передъ иконой, — какъ воскурается легкая, бѣлая дымка надъ утреннимъ лугомъ, чтобъ уплыть къ другимъ всходящимъ бѣлымъ хлопьямъ, къ другимъ возносящимся дыханіямъ

Земли, и чтобъ сверкнуть съ лазурныхъ высей
Неба мгновенной молніей. Это была, — и
осталась, но ушла, — душа юной дѣвушки. Ей
быль 21 годъ, когда она написала мнѣ письмо,
Русская, но изъ Финляндіи, и я отвѣтилъ ей, и
два года она была моей весной — и въ веснѣ,
и въ зимѣ, и въ лѣтѣ, и въ осени. Я не ви-
далъ ее никогда, — но я вижу ее яснѣй, чѣмъ

самого себя, смотря въ зеркало. Я не могъ
увидать ее, я прикованъ моимъ удѣломъ къ
Франціи, а она была прикована къ постели, и,
когда уже легкія совсѣмъ перестали существо-
вать въ ея, раненой Судьбою, груди, она еще
жила духомъ, — какъ съ изумленіемъ
говорилъ лѣчившій ее врачъ, — но каждой
тучкѣ суждено уплыть, и на мгновеніе только

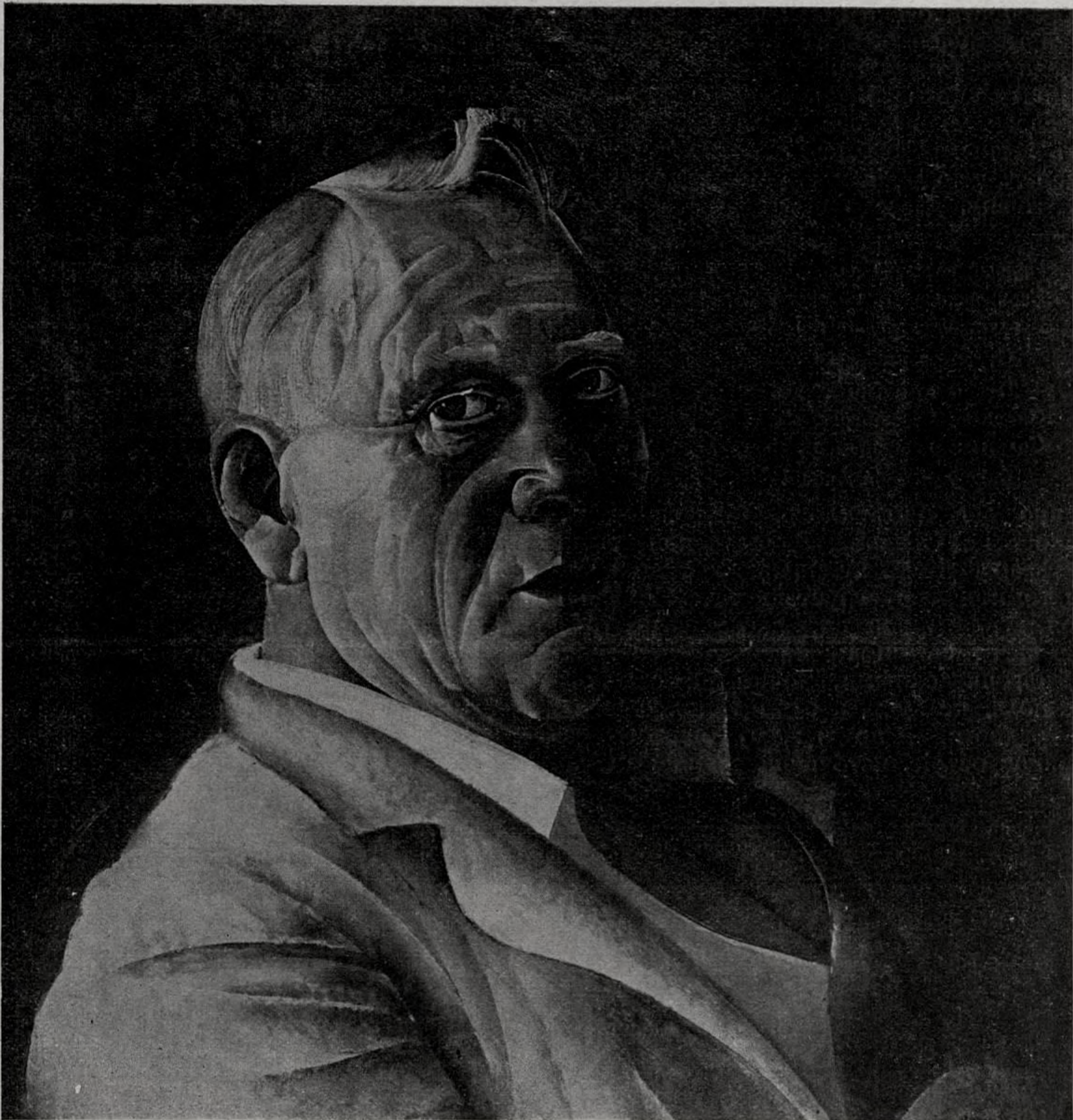
Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Сергѣй Есенинъ
Serge Ejsenine

В. ГРИГОРЬЕВЪ
V. GRIGORIEFF

ДИТЯ МИРА
L'ENFANT DU MONDE

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Федоръ Шаляпинъ
Feodor Chaliapine

До единственной тонкой черты,
До Державы Огня Голубого!
Видишь? Въ самомъ намъ небѣ цвѣты.
Тамъ изъ золота кто-то литого.
Все слилось. Это я? Или ты?

Около года тому назадъ, съ наступленіемъ осени, всегда роковой, какъ и весна, для тѣхъ, кто раненъ Судьбою въ грудь, я получилъ трагическую вѣсть отъ самаго близкаго къ дорогой дѣвушкѣ человѣка, — отъ ея матери, — что роковой исходъ недуга неизбеженъ, что Таня живетъ только радостью и устремленной къ ней лаской, — больше ничѣмъ. Всю силу, всю нѣжность, всю волю благую, всю власть заклинанія, я устремилъ въ далекій, малый финскій домикъ въ саду, — и надо-ли говорить, что она, далекая, стала моей единственной мечтой? Несосчитаны мною напѣвы, которые я къ сердцу внимающему устремилъ, несосчитаны

слова, которыя нужны душѣ отъ души. Это о ней и къ ней звенѣла струна въ моей поэмѣ „Ихъ перстень“ : —

Свѣжій вѣтеръ, влажный воздухъ воалъ волнъ.
Ахъ, Тристанъ, тебя кладу я въ черный челнъ.
Ахъ, Тристанъ, морская — вѣрная вода.
Будешь ты съ твоей Изольдой навсегда.
Развѣ ключъ не вѣрно входитъ въ свой замокъ?
Смерть пришла. Любовь пришла. Восполненъ срокъ.
Черный парусъ — ночь и ворона крыло.
Ночью — звѣзды. Ночью — любящимъ свѣтло.

Это о ней говорили строки:

Одна волна, одна она, одна волна морская,
Одна бѣжить, одна спѣшить, а кажется — другая.
Плыви, волна. Зови, волна. Свѣти въ мой мигъ
беззвѣздный.
Одна волна. Одна она. Мой стихъ, мнѣ данный —
Бездной!

Всѣ опасности осени были побѣждены тою, въ чьемъ измученномъ тѣлѣ былъ сильный духъ и великая жажда жизни и счастья. Зима прошла почти легко. Весна пришла подъ знакомъ тревоги, и все же была побѣждена и опасность весны. Казалось, открывается лучезарная дорога исцѣленія и свѣтлой, творческой, молодой жизни. Весело пѣлъ мой „Первый дождь“: —

Первый весенній дождь,
Звонъ-перезвонъ по листьямъ,
Воздухъ березовыхъ рошъ,
Строится новый храмъ. —
— Птицы отъ Юга летятъ
Снова на Сѣверъ родной,
Солнцемъ исполненъ мой взглядъ,
Будь для меня Луной!

Внезапно все измѣнилось. Медленное таеное льдовъ на Сѣверѣ. Замедленная весна нашего Сѣвера. Какъ кукованье кукушки ласкаетъ и томитъ душу грустью, такъ Сѣверная весна моя, весна любимая, ласкаетъ цвѣтами несчетными, птичьими пѣснями такими звонкими и многочисленными, точно не садъ это нашъ, не поле, не лѣсъ, а одно заколдованное царствіе радости, — но и жало бываетъ въ веснѣ, тонкое остріе, источающее душу и тѣло.

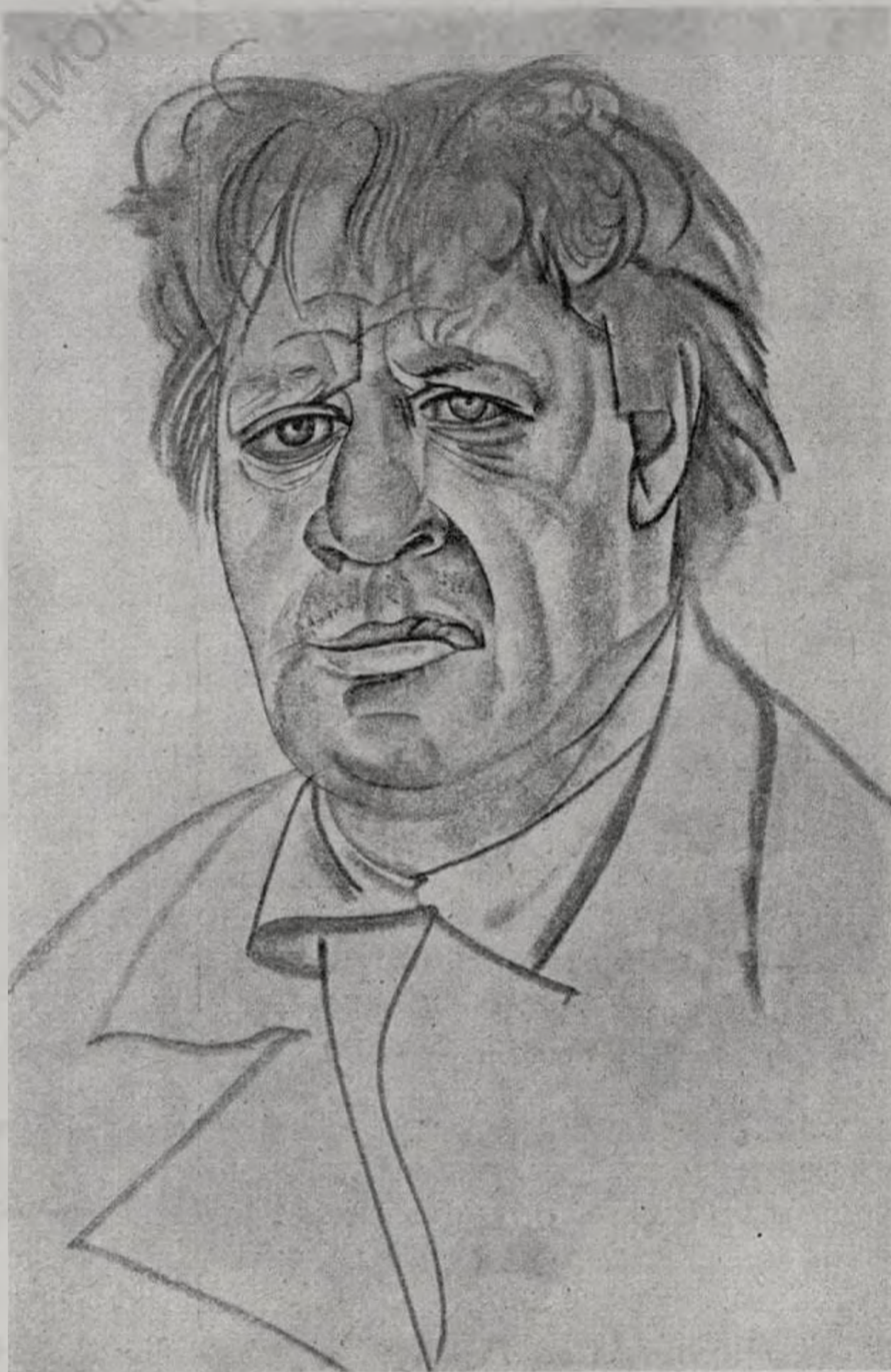
Одна вѣсть печальнѣе другой стали приходиться ко мнѣ съ лѣснаго побережья Финскаго моря, возлюбленнаго и воспѣтаго суровымъ Баратынскимъ. И, затопленный расцвѣтами пьянящими своего пышнаго Юга, я проклялъ весну эту, не нашу и нашу. Вѣдь весна — одна, какъ волна — одна, какъ любовь — одна. Но я проклялъ чары весны.

Бѣлый свѣтъ.

Такъ. Цѣлый годъ копилъ свои богатства,
Чтобъ расцвѣсти на нѣсколько недѣль.
Осенняя и зимняя кудель
Размотана. Но въ вѣяньи злорадства
Я слышу голосъ: „Эго — святотатство
Разбрасывать — что холила мятель,
Разоблачать въ безстыдствѣ обнаженномъ —
Что было въ льдяномъ днѣ вѣнчальнымъ, соннымъ,
Лишь въ сновидѣнной грезѣ знавшемъ цѣль,
Неизъяснимо цѣннымъ, тихозвоннымъ,
Не яростнымъ, не пьянымъ, не спаленнымъ,
Не распаленнымъ на кострѣ, что жгутъ,
Чтобъ дальній сонъ былъ наглою явью — тутъ!“
И любо мнѣ смотрѣть, какъ чьи-то руки,
Сорвавъ цвѣтокъ, его швырнули прочь,
Я ухожу въ синѣющую ночь,
И сонмы соловьевъ, роняя звуки,
Чье эхо въ звонкихъ пѣсняхъ всѣхъ временъ,

Бакшеевъ — „Лука Клешнинъ“ („Федоръ Іоанновичъ“)
Bakcheeff — dans le rôle de L. Klechnine (Le Tsar Feodor)

Александровъ Актеръ („На Днѣ“)
Alexandroff — dans le rôle de l'acteur („Les Bas-Fonds“)

Б. Григорьевъ

Подгорный — Студ. Трофимовъ („Вишн. садъ“)

Grigorieff — Podgorny dans le rôle de l'étudiant Trofimoff („Le Jardin des Cerises“)

Ничто предъ тѣмъ, съ чѣмъ въ вѣчной я разлукѣ,
Но что въ ночи, когда, отъединенъ,
Смотрю на звѣзды, леть мнѣ зовъ единый,
Веля любить снѣга и отсвѣтъ льдины.

Это былъ бредъ отчаянія и бунта противъ Мира, противъ Природы. Это было, въ яростный вопль превращенное, тихое реченіе Гераклита: „Одинъ для меня — мириада, если онъ — наилучшій изъ всѣхъ“.

Я изучилъ за этотъ годъ, въ какомъ бываютъ соотвѣтствіи Финское море и южная Атлантика. Я зналъ, что, если у насъ бѣшенствуетъ буря, она зеркально свирѣпствуетъ и тамъ, близъ малаго домика, куда нельзя мнѣ достигнуть, и, капля за каплей, испиваетъ, вѣдьмовски, кровь моей Желанной. Странны бываютъ свиданія душъ въ дремотной яви. Я зналъ, что тамъ на Сѣверѣ бѣлыя ночи. Много я тосковалъ когда-то въ бѣлыя ночи, въ Петербургѣ и въ Христіаніи. Я зашелъ въ здѣшнюю книжную лавчонку, и мнѣ захотѣлось купить какую-нибудь Испанскую книгу. Но всѣ романы тамъ бывшіе я уже читалъ. Я запримѣтилъ Испанскій переводъ романа Гастона Леру „Рулетабій въ Россіи“. Перелистовалъ его, вижу, что это что-то изъ царскихъ временъ, изъ 1905-го года, съ которымъ и моя судьба была связана. Я купилъ этотъ романъ и немедленно натолкнулся на описаніе, какъ аристократическая дѣвушка

поетъ, въ Петербургѣ, романсъ, посвященный бѣлымъ ночамъ. „...Esta es la noche de las islas en el Norte del Mundo...“ „Эта ночь — ночь острововъ на Сѣверѣ міра...“ Я не знаю, есть ли дѣйствительно такой Русскій романсъ, изъ Русскаго языка перешедшій черезъ Французскій въ Испанскій. Меня поразили Испанскія строки, и я переложилъ ихъ въ Русскій напѣвъ.

Эта ночь.

Эта ночь — это бѣлая ночь. Острова залегли.
Спать не спать, привидѣньями дремлютъ на Сѣверѣ міра.
Руки свѣтлыя жмутся, тѣснятся до груди земли,
И какъ будто на небѣ горитъ, догорая, пореира.

Это — Солнце, въ просторъ уходя, позлащая заливъ,
Цѣловало зарю, и въ ночномъ растопилось дневное,
И на Сѣверѣ міра таинственный слышенъ призывъ,
Это — дѣвушки Сѣвера міра, и сердце ихъ въ зноѣ.
Межъ двумя горизонтами, — оба горятъ отъ огня,
И горятъ, и звенятъ, не молчитъ златострунная лира, —
Опускается Солнце, восходитъ и рдѣетъ безъ дня,
Словно дискъ, устремленный богами на Сѣверѣ міра.

Въ этотъ мигъ, о, мой другъ, какъ растаяли злато и мѣдь
Въ этихъ бѣлыхъ ночахъ, въ этомъ свѣтѣ не свѣтѣ съ тобою,
Въ мигъ послѣдній, какъ хочешь проститься со мною —
отвѣть! —

Не спроси, а отвѣть. То, въ чемъ кладъ, не берется
безъ бою.

Руки свѣтлыя жмутся, тѣснятся до груди земли.

Руки Солнца берутъ, страсть ихъ крѣпнеть, какъ музыка
пира.

Это — бѣлая ночь. Ночь и день. Острова залегли.

Спать не спягъ, и проснуться нельзя имъ на Сѣверѣ міра.

Въ іюнѣ, мать Юной, Евгенія Александровна Осипова, мнѣ написала: „Дорогой Константинъ Дмитриевичъ, опять, опять пришелъ страшный сонъ. Бѣда тутъ, на этотъ разъ совсѣмъ тутъ. Пишу Вамъ ночью у ея постели. Въ Воскресенье былъ Ивановъ день, и наконецъ чудная, теплая погода, больную помѣстили на балконъ, она тамъ провела весь день, и все было хорошо. Вдругъ, ночью, въ два часа, сдѣлался кашель неудержимый, и пошла кровь горломъ... Она сейчасъ спитъ и кажется неживой...“ И еще боролась душа, хотѣвшая радостей Земли. 3-го іюля, та, которая стала для сердца моего Весною, заснула для земного. Ей чудилось въ предсмертныя минуты, что кто-то изъ сада машетъ ей бѣлымъ платкомъ черезъ окно. Ей чудилось вѣянье безшумныхъ птицъ.

*** **

Люблю я цвѣты—какъ любить мать свою нѣжный ребенокъ,
Люблю я цвѣты — какъ любитъ сердце, понявъ, что означенъ срокъ,

Люблю я цвѣты — какъ любить птица другую, чей голосъ
звонко,

Люблю я цвѣты — какъ любить цвѣтокъ — чуть зацвѣтшій
далекій цвѣтокъ.

Всѣ спать еще въ домѣ — я въ лѣсъ одинъ иду спозаранка,
Смотрю, не расцвѣль-ли, явивъ солнцегроздь, Испанскій
дрокъ,

Но въ сердцѣ моемъ расцвѣтаетъ одна голубая грустянка,
Земли не вкусившій, лишь неба испившій, хрупкій цвѣтокъ.

Иду я до моря — берегъ свой точить, синѣть, клокоchetъ,
Затихнуть не хочетъ, свершаетъ свой бѣгъ, нападенье и
скокъ,

Не Море-ли влагой своею соленой мнѣ горькое что-то про-
рочить,

Capbreton, Landes.

1928. 22 іюля.

А. ФЕДОРОВЪ

ВИДѢНІЕ

Вся забросанная розами, нѣжной дремой и цвѣтами, что зовутся кукушкины слезки, съ любимымъ букетомъ южныхъ мимозъ въ исхудалыхъ рукахъ, она, чьи брови Грузински четки, чьи русыя косы прекрасны, какъ дѣвичьи грезы въ Троицынъ день, чье чистое сердце баюкало въ своей колыбели малой всѣ пѣвучія возможности несбывшагося, — она тихо спитъ теперь, Юная, въ горницѣ послѣдней, близъ преждевременно ушедшаго отца своего, близъ преждевременно ушедшей и вновь найденной сестренки, и, потушивъ свои глаза, она зажгла себѣ лампаду иную. Гдѣ опять найду ее? На самой голубой звѣздѣ? Или снова здѣсь, на Землѣ, но ближе къ сердцу, гдѣ-нибудь на желанномъ мнѣ Сѣверѣ міра? Этого знать мнѣ не дано. Я найду. И черезъ рѣки и лѣса, черезъ моря многшумныя, черезъ все раздѣльное пространство Океана, я бросаю Желанной мой послѣдній цвѣтокъ, напоенный ея чарою единственной: —

Двѣ красныя капли — я слышу — упали — тамъ въ сердцѣ
— на мой голубой цвѣтокъ.

Домой возвращаюсь, размѣреннымъ шагомъ, порой — на
закатѣ,

Одна одинокая тучка подъ Солнцемъ расплавится въ огнен-
ный клокъ,

Но огненной тучкѣ, и Солнцу, всѣмъ солнцамъ, — о, всѣмъ
безъ изъятій!, —

Одно загашенье, и, кровью обрызганъ, тамъ въ сердцѣ,
спитъ голубой цвѣтокъ.

Въ землѣ отъ корней всѣхъ расцвѣтовъ нѣжнѣйшихъ прорѣ-
жется ранка,

Люблю я цвѣты — какъ напѣвъ — какъ любовь — какъ
гремучій потокъ,

Люблю я цвѣты—изъ цвѣтовъ мнѣ любя голубая грустянка,
Лампада горитъ предъ иконой — сердцу больно — въ немъ
выросъ цвѣтокъ.

К. Бальмонтъ

Исторія эта вызвала въ нашемъ городѣ не мало шума. Правда, судъ послѣ долгихъ преній и совѣщаній оправдалъ его, но далеко не всѣ одобряли тотъ милостивый приговоръ, послѣ котораго онъ, разумѣется, уже не могъ оставаться учителемъ рисованія въ мѣстной гимназіи.

Учитель рисованія, даже въ провинціи, особа не важная, да и жилъ одиноко и считался нелюдимымъ, потому и исторіей его интересовались не долго. Но я зналъ его нѣсколько больше, чѣмъ другіе, и меня занимало въ этой

трагедіи еще кое-что, до чего ни суду, ни обществу, собственно, не было никакого дѣла. А между тѣмъ тутъ-то и корень всей трагедіи, и вѣрно, — судьи, хотъ и не касались этого, а чувствовали, потому и оправдали.

Учитель рисованія — чаще всего — неудавшійся художникъ. Не всѣ неудачники несчастны. Иные отлично сознаютъ, что на большее и не имѣютъ права и основанія претендовать, и вполне бываютъ довольны своимъ жребіемъ. Пожалуй, для бездарнаго и ограниченнаго въ своихъ стремленіяхъ и надеждахъ

человѣка, случайно вставшаго на этотъ путь, преподавать рисованіе даже легче, чѣмъ математику, или литературу, но въ томъ-то и дѣло, что онъ былъ не такой человѣкъ. Беззавѣтно любя свое искусство, онъ обладалъ почти всѣмъ, что надо, чтобы стать великимъ художникомъ: изысканнымъ вкусомъ, развитымъ и обогащеннымъ большими познаніями въ своей области, тонкимъ проникновеніемъ въ духъ творчества, огромнымъ трудолюбіемъ и силой воли и строгимъ критическимъ чутьемъ, не позволявшимъ ему выставить ни одной своей картины на судъ общества, хотя, конечно, его работы были не ниже многихъ полотень, удостоившихся даже попасть въ картинныя галереи. Это утверждаю я, кого онъ удостоилъ своимъ довѣріемъ и дружбой послѣ долгихъ лѣтъ нашего знакомства. Но онъ, который, подобно Сальери, „алгеброй провѣрялъ гармонию и музыку разъялъ какъ трупъ,“ не былъ ни тщеславенъ, какъ Сальери, ни тѣмъ менѣе — завистливъ. Его восхищаль чужой успѣхъ и чужія достиженія. Для другихъ онъ даже допускалъ то, что не разрѣшалъ себѣ, можетъ быть, ожидая каждый мигъ, что то „почти“ исчезнетъ, и у него невѣдомымъ чудомъ выяснится то, что французы называютъ *petit rien*, и что есть истинная душа каждаго творческаго произведенія. Я не знаю, былъ-ли онъ религіозенъ, но я убѣжденъ, что онъ молился объ этомъ не разъ въ слезахъ изступленія и духовной алчбы. И вотъ, когда уже жизнь приближалась къ закату, ему, который „рано отвергъ всесвѣтскія забавы,“ мелькнулъ огонекъ, не достававшій всю жизнь, — любовь. Онъ полюбилъ въ первый разъ и въ первый разъ ощутилъ близость къ тому, чего добивался такъ долго и тщетно. Какъ могло случиться, что вся молодость его прошла безъ любви, безъ увлеченій? Но развѣ каждый изъ насъ можетъ вполне убѣжденно сказать, что онъ воистину любилъ въ своей жизни, а не принималъ за божественный свѣтъ любви болотные огоньки, обманывая ими себя подобно большинству, ибо любить можно только одинъ разъ, какъ одинъ разъ родиться и умереть, съ тою только разницею, что рожденіе и смерть непреложны, а любовь истинная суждена да-

Б. Григорьевъ И. Москвинъ — „кап. Снѣгиревъ“
B. Grigorieff I. Moskvine dans le rôle du cap. Snéguireff

леко не всѣмъ, и явленіе ея не сообразуется ни съ молодостью, ни съ зрѣлыми годами, ни даже со старостью. Неизвѣстно, будетъ ли часъ дня или ночи, когда молнія ударитъ въ дубъ и зажжетъ его. Какъ неизвѣстно, испепелитъ ли она его мгновенно, или превратитъ въ подобіе неопалимой Купины.

На закатѣ ударила въ него молнія любви и мгновенно испепелила его.

Слушайте, какъ произошло это страшное чудо.

II

Однажды, послѣ безсонной ночи, которую онъ готовъ былъ уже считать послѣдней ночью въ своей жизни, вышелъ онъ изъ своего одинокаго жилища послѣ того, какъ собственноручно сжегъ всѣ свои произведенія.

Весь день и всю ту ночь онъ разрывалъ и бросалъ въ каминъ свои большіе и маленькіе холсты, картоны и листы бумаги съ эскизами и почти законченными картинами.

Была еще далеко не поздняя осень, и сосѣдямъ могъ бы, пожалуй, внушить нѣкоторое подозрѣніе этотъ дымъ, непрестанно валившій изъ трубы его домика, если бы они не знали, что тамъ живетъ чудакъ, которому лѣтомъ можетъ быть холодно, а зимой тепло.

На разсвѣтѣ не осталось больше ничего, напоминавшаго о несбывшихся творческихъ видѣніяхъ художника, хотя самъ онъ еще существовалъ.

Но и это не должно было длиться долго. На разсвѣтѣ не станетъ и его. Глубокія и сильныя волны рѣки, которая текла подъ городомъ и которую онъ такъ любилъ, поглотитъ его самого.

И вотъ онъ пошелъ черезъ весь городъ къ тому обрыву, съ котораго такъ любилъ встрѣчать восходъ солнца на рѣкѣ, когда легкой утренній паръ поднимался съ ея широко бѣгущихъ мутныхъ волнъ навстрѣчу тускло-золотой зари. Паръ превращается въ золотистое дыханіе и ласкаетъ и будитъ имъ прибрежныя деревья и кусты, которые на томъ берегу, какъ паломники, по одиночкѣ и толпой молятся Богу у тихо вѣчно бѣгущихъ, вѣчно шумящихъ, вѣчно зовущихъ водъ.

Спаль еще городъ въ прохладной предутренней свѣжести, когда онъ шель по улицамъ, коегдѣ освѣщеннымъ фонарями, въ то время, какъ звѣзды уже начинали закрывать свои дрожащія рѣсницы подѣ дуновениемъ все выше поднимающейся утренней зари.

На пожарной каланчѣ медленно кружился черный силуэтъ дежурнаго, и начинали перекликаться пѣтухи сонными недовольными голосами, да собаки — твякать на стукнувшего въ послѣдній разъ колотушкой ночного сторожа.

Золотой крестъ на церкви засвѣтился умирительно-кротко. Но несчастный почему-то поспѣшилъ отвернуться отъ него и съ стѣсненнымъ сердцемъ прошепталъ: „Господи, какъ страшна и нелѣпо-жестока жизнь!“ Эти запертые наглухо, молчавшіе дома, эти пѣтушине и собачьи голоса и особенно крутящійся на пожарной вышкѣ силуэтъ, — нагнали на него невыносимую тоску и безнадежность, и только церковный крестъ настолько не шель ко всему этому убожеству и мертвенной замкнутости, что не хотѣлось останавливать на немъ взгляда, чтобы не нарушить принятаго рѣшенія.

Бѣдная травка у заборовъ тускнѣла росой, и пыль на дорогѣ начинала смутно поблескивать матовымъ серебромъ. Къ самому прирѣчному обрыву подползали домишки, а нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ чернѣлъ перекинутый на ту сторону узорчатый мостъ, точно растянувшаяся на оба берега, черезъ рѣку, гигантская паутина. Обыкновенно, эта паутина была пуста, но на этотъ разъ что-то въ ней чернѣло, издали такое же маленькое, какъ запутавшаяся муха. Его неприятно удивила прежде всего эта неожиданность, потому что мѣшала принятому намѣренію; а затѣмъ, когда онъ разсмотрѣлъ, что то была женщина, зашевелилось досадное беспокойство. Кто она и что ей нужно въ такой ранній часъ на желѣзнодорожномъ мосту? Беспокойство это еще болѣе усилилось, когда онъ разглядѣлъ, что она одѣта не по простому. На ней была черная накидка и модная шляпа. Неужели и она!...

Онъ быстро сталъ спускаться по изви-

стой тропинкѣ обрыва, не сводя глазъ съ этой странной одинокой фигуры.

Дойдя до середины моста, она остановилась и оглянулась вокругъ.

Пусть былъ мостъ, пусты были оба берега, и пуста молчаливая рѣка. Недалеко отъ противоположнаго берега вдоль по течению, точно влитыя въ воду, чернѣли на равномъ разстояніи одна отъ другой три большія пустыя рыбацьи лодки, державшіяся на своихъ якоряхъ, — должно быть, рыбаки спали на днѣ ихъ, или отправились за чѣмъ-нибудь на берегъ. Лодки отражались въ водѣ, и только по этимъ слегка зыблвшимся отраженіямъ видно было, что течение чуть-чуть колышетъ ихъ.

Его она, очевидно, не замѣтила, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ ту минуту, когда оглядывалась, онъ спустился въ небольшую ложбинку у подошвы обрыва. Рѣшетка моста тушевала ея фигуру черными скрещивающимися линиями. Ухватившись за нее руками, она черезъ довольно высокія чугунныя перила, наклонивъ голову, посмотрѣла внизъ. Подѣ выпиравшими каменными быками моста, рѣка стремительно прорывалась впередъ, напозая пѣнящимися волнами на осклизшіе и потемнѣвшіе отъ

плѣсени камни. Онъ почти побѣжалъ къ мосту. Для него уже теперь не было никакого сомнѣнія, что привлекло на мостъ эту несчастную одинокую женщину, и надо было спѣшить, чтобы предупредить бѣду. Онъ какъ-то непонятно забылъ въ ту минуту, что тоже рѣшилъ покончить съ собой. Зачѣмъ же мѣшать кому бы то ни было сдѣлать то, что онъ хотѣлъ самъ сдѣлать съ собою.

У него заклокотало сердце, когда уже около самага моста замѣтилъ, какъ она ухватилась за чугунныя перила; нѣсколько отчаянныхъ усилий, она поставила ногу за рѣшетку и перевѣсилась черезъ перила. Ея накидка развернулась, какъ черныя крылья.

Онъ не выдержалъ и крикнулъ на-бѣгу, чтобы остановить, удерживать. Дикія утки, летѣвшія черезъ рѣку, метнулись въ сторону. Она обернулась и замѣтила его, но это только ускорило бы ея рѣшеніе, если бы не маленькая

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

В. Качаловъ — „Царь Федоръ“
W. Katchalov — „Le Tsar Feodor“

Б. ГРИГОРЬЕВЪ
B. GRIGORIEFF

ВАСЬКА ПЕПЕЛЪ. („НА ДНЪ“)
VASSKA PEPEL („LES BAS-FONDS“)

Б. ГРИГОРЬЕВЪ
B. GRIGORIEFF

ЦАРЬ ФЕДОРЪ ИОАННОВИЧЪ
LE. TSAR FEODOR IOANNOVITCHI

случайность: накидка зацѣпилась правой полкой за рѣшетку. Нелѣпость... Но она растерялась и судорожно стала освобождалась. Потом сразу спохватилась, можетъ быть, потому, что онъ уже былъ близко отъ нея, рванулась черезъ перила и какъ-то бокомъ полетѣла съ высокаго моста въ воду, оставивъ накидку на чугунной рѣшеткѣ. Ударъ тѣла объ воду. Сильный всплескъ. Тѣло сразу исчезло какъ разъ около одного изъ каменныхъ быковъ, оставивъ крутящуюся воронку на мѣстѣ паденія. Но въ ту-же минуту раздался новый всплескъ воды поблизости. И въ то время, какъ уже по другую сторону моста вынырнула черная голова, странная и страшная въ оставшейся на ней модной шляпѣ, вблизи вынырнула другая голова, и въ то время, какъ первая снова погрузилась въ воду, та осталась на поверхности и энергично двинулась къ тому мѣсту, гдѣ только-что исчезла утопающая.

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Крестьянинъ („Расея“)
Un paysant russe („Rasseia“)

И въ то время, какъ та голова еще разъ появилась надъ водою, онъ нѣсколькими взмахами рукъ очутился рядомъ и подхватилъ ее за воротъ платья. Теперь уже обѣ головы были надъ водою и неслись по теченію, причемъ одна голова казалась безжизненной. Это, пожалуй, было не такъ худо, такъ какъ съ бьющимся тѣломъ труднѣе было бы справиться. Но и теперь было не легко одѣтому, да еще въ ботинкахъ, плыть, поддерживая одной рукой тѣло, а до берега порядочно. Правда, помогало сильное теченіе; рѣка, дѣлавшая передъ мостомъ нѣкоторый уголъ, давала уклонъ къ правому берегу. Но платье намокло и тянуло книзу, и ноша въ мокромъ платьѣ становилась также все тяжелѣе. Кричать? Некому слышать. Тѣмъ не менѣе, онъ крикнулъ и въ то-же время старался изо всѣхъ силъ приблизиться къ берегу. Врядъ ли удалось бы ему справиться съ рѣкой и со своей ношей, если

бы одна изъ трехъ лодокъ не ожила при этомъ крикѣ, и черезъ минуту она уже неслась по теченію съ проснувшимся гребцомъ на помощь изнемогавшему спасителю и спасенной.

Тѣ были недалеко отъ берега, но силы истощались. По временамъ хотѣлось выпустить хоть на мигъ тяжкую ношу, чтобы перевести духъ, но это значило бы погубить ее. Онъ уже раза два хлебнулъ воды, но въ этотъ мигъ, по счастью, замѣтилъ лодку. Собралъ послѣднія усилія и почти у самаго берега ухватился за протянутое весло и затѣмъ за бортъ лодки. Спасены. Оба ли спасены? Да, она очнулась, лишь только ее положили на песокъ. Только тутъ онъ обратилъ вниманіе на ея лицо,

которое ему показалось отдаленно знакомымъ и прекраснымъ, несмотря на лившуюся изо рта, носа и ушей воду. Онъ вынулъ шпильку изъ ея промокшей шляпы, и бѣлокурые волосы распались влажными прядями вокругъ ея головы, прилипая къ посинѣвшему лбу. Мокрое платье облипало молодую довольно высокую фигуру и замѣтно выдѣляло нѣсколько выдававшийся животъ. Разгадка этой трагедіи стала совершенно ясной не только для него, но и для молодого парня-рыбака, который, глупо улыбаясь, подмигнулъ на этотъ животъ. Парень, очевидно, не совсѣмъ еще протрезвился со вчерашняго: отъ него несло водочнымъ перегаромъ. Онъ также увидѣлъ, что спасенная жива, дышитъ и уже раза два раскрывала свои сѣрые большіе глаза.

— Безпремѣнно теперь надо за полиціей сбѣгать.

— Зачѣмъ за полиціей? Вѣдь она жива.

— Такъ что жъ что жива! Безъ полиціи такихъ дѣловъ не дѣлается...

— Никакой полиціи не надо.

— А не надо, такъ не надо. Намъ же лучше. Вы и отвѣчать будете.

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Дѣвочка съ кувшиномъ
Petite fille avec une cruche

Никто ея не знаетъ здѣсь. Для всѣхъ она — его племянница. Ей некуда было идти. Къ тому-же онъ былъ такъ добръ къ ней и внушалъ ей полное довѣріе.

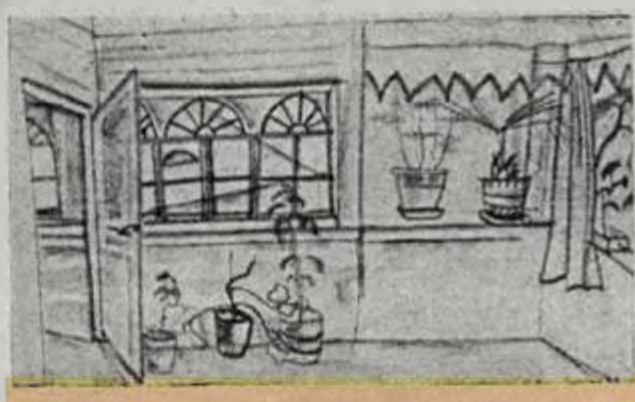
Она осталась съ условіемъ, что станетъ вести его маленькое хозяйство, готовить для него и заботиться о немъ — вѣдь она нѣмка, значить, природная хозяйка.

III

Перенесенное ею потрясеніе не прошло даромъ. Она заболѣла и простилась съ материнствомъ, но по природѣ крѣпкая, несмотря на свою хрупкую внѣшность, скоро оправилась при необыкновенно любовномъ уходѣ за ней глухонѣмой.

Жизнь въ маленькомъ домикѣ пошла спокойно и тихо. Онъ попрежнему состоялъ въ гимназіи преподавателемъ, но уже существованіе его не казалось ему такимъ бездушнымъ. Несмотря на наступившую осень, свѣтлая улыбка затеплилась не только въ немъ самомъ, но и вокругъ него и въ самомъ домикѣ, который въ послѣднее время передъ этой чудесной встрѣчей начиналъ для него походять на гробъ. И, наконецъ, опять потянуло его къ краскамъ, и первое, что ему хотѣлось написать, была картина съ ней — Видѣніе.

Она охотно согласилась позировать ему: ей было пріятно хоть чѣмъ-нибудь выразить свою бла-

годарность этому совсѣмъ необыкновенному въ ея глазахъ человѣку, хотя она и безъ того вполнѣ оправдывала свое существованіе у него тѣмъ, что сумѣла въ его скучное прежде жилище внести уютъ и порядокъ.

И вотъ тутъ, уже при первыхъ ударахъ кисти, которую онъ такъ долго не рѣшался взять въ руки, съ дрожью затаенной радости онъ почувствовалъ то новое, чего такъ мучительно и напрасно добивался всю жизнь. Это еще не было осуществленіе, но предвидѣніе не могло его обмануть. Солнечныя невидимыя нити протягивались между ними, когда онъ вглядывался въ ея свѣтлыя черты, въ ея сѣрозеленые глаза, мѣнявшіе цвѣтъ свой вмѣстѣ съ теченіемъ дневного свѣта. И сладостно и жутко становилось ему, когда и ея скрещивающійся съ его взглядомъ взглядъ занимался отвѣтнымъ сіяніемъ; изъ двухъ источниковъ переливались одинъ въ другой таинственныя струи и родили ихъ, и краски ложились на холстъ, озаренныя и согрѣтыя свѣтомъ, котораго доселѣ не знала душа.

Никогда не касались прошлого.

Но ничто не уходитъ безслѣдно изъ нашей жизни и души.

Онъ даже не зналъ, какимъ образомъ она очутилась столь далеко отъ своей родины, да еще въ такомъ положеніи, кто ея соблазнитель, а, если бы и зналъ, это ничего не могло бы измѣнить въ

Зато ея избранникъ чувствовалъ себя, какъ нельзя лучше. Не только въ его сытомъ кругломъ лицѣ и маслянистыхъ глазахъ, но и въ свѣжей складкѣ его панталонъ, отлично согласованныхъ съ новыми-же блестящими и модными ботинками, — у него все было модное — чувствовалось такое самодовольство, что лучшей рекламы для его фирмы нельзя было и придумать. Онъ тутъ-же съ отмѣнной вѣжливостью представился хозяину, съ достоинствомъ назвалъ свою фирму, получившую здѣсь огромныя лѣсныя концессіи. Онъ не забылъ при этомъ прибавить, что какъ человекъ воспитанный (тутъ онъ многозначительно взглянулъ на сидѣвшую съ поникшей головой женщину) счелъ своимъ долгомъ сдѣлать визитъ человеку, который оказалъ такую неоцѣненную услугу его подругѣ, „немного слишкомъ экспансивной въ своихъ чувствахъ и поступкахъ“, хотя онъ долженъ признать и свою долю вины въ недоразумѣніи, толкнувшемъ ее на безумный поступокъ.

Рѣчь его была такая гладкая, какъ будто была выбрита столь-же тщательно, какъ и онъ. Видно было, что этотъ человекъ могъ быть неотразимо убѣдителенъ для кліентовъ. И для однихъ-ли кліентовъ!

Художникъ слышалъ этотъ пріятно перекачивающійся голосъ, который, навѣрное, такъ же точно, хотъ и съ тѣмъ-же нѣмецкимъ акцентомъ, говорилъ на другихъ иностранныхъ языкахъ. Но изъ всей его рѣчи онъ уловилъ лишь то, что нынче-же, исполнивъ свой долгъ передъ великодушнымъ покровителемъ, онъ

уѣзжаетъ со своей Луизой въ Ригу, по мѣсту своей службы.

— Если вамъ угодно переговорить о чемъ-нибудь съ моей Луизой наединѣ, я охотно оставлю васъ не надолго tête à tête, тѣмъ болѣе, что мнѣ надо сдѣлать еще одинъ обязательный визитъ, — милостиво разрѣшилъ онъ, взглянувъ на золотые часы (у него все было золотое: и портсигаръ, и пенснэ, и перо,

блестѣвшее изъ кармана пиджака рядомъ съ цвѣтнымъ уголкомъ кокетливо выпущеннаго шелковаго платка). Взглянувъ на стѣнные часы, онъ добавилъ:

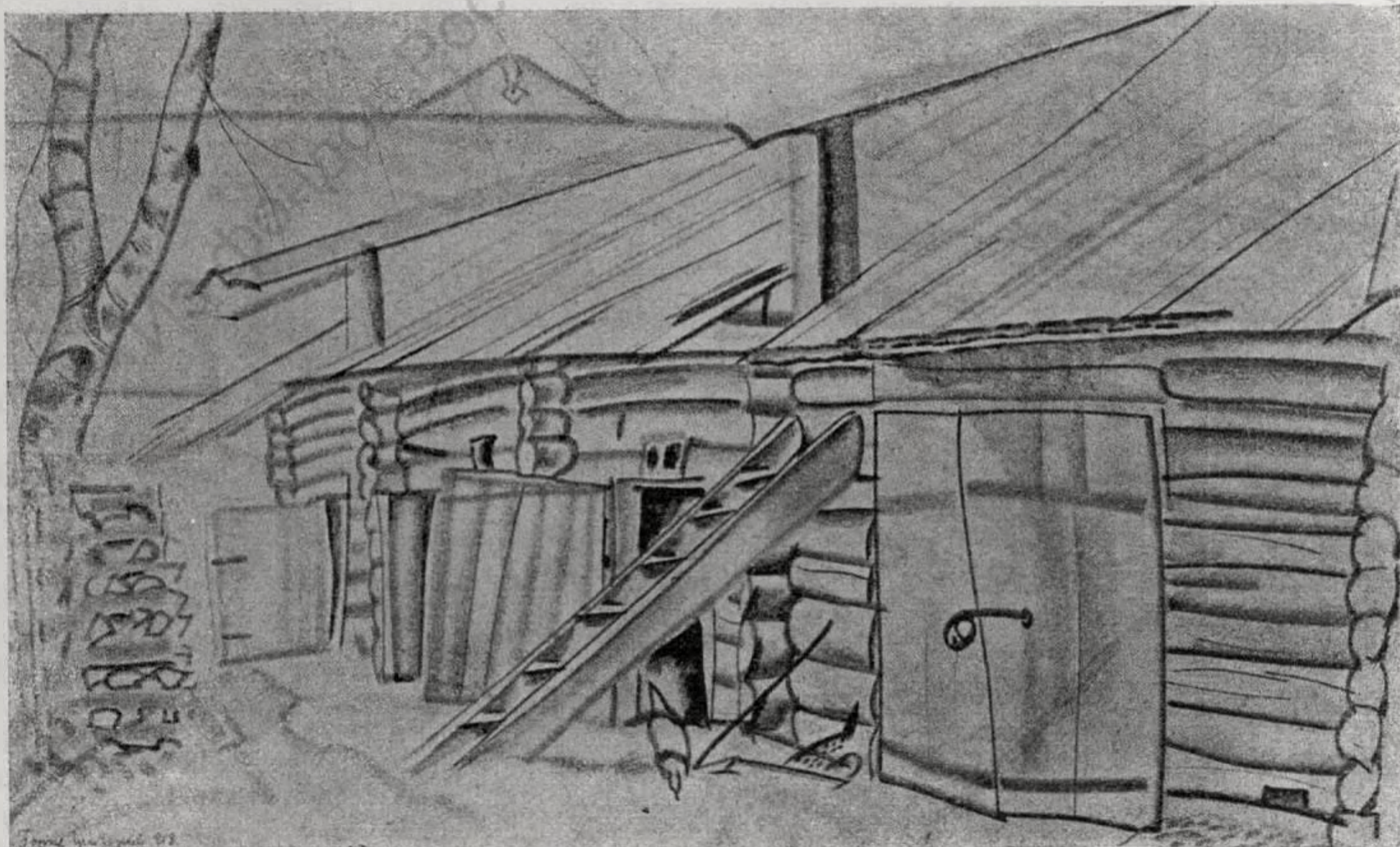
— Ровно черезъ 40 минутъ я буду здѣсь.

И, не дожидаясь даже отвѣта, отлично раскланявшись, онъ удалился, вполне увѣренный, что ему нечего опасаться этого послѣдняго прощанія пожилого человека съ его возлюбленной.

VI

Она сдѣлала невольное испуганное движеніе ему вослѣдъ, но онъ уже былъ за дверью, гдѣ глухонѣмая торопливо подала ему пальто, модное непромокаемое, которое можно было носить и налицо и наизнанку, шляпу и палку съ золотымъ набалдашникомъ и множествомъ золотыхъ монограммъ, которую онъ бралъ только во вполне надежные дома.

Паукъ исчезъ, но муха осталась, и она была такъ блѣдна, какъ-будто онъ уже успѣлъ выпить изъ нея за время новой встрѣчи всю кровь. А, можетъ быть, эта блѣдность и даже то невольное движеніе вслѣдъ ему были вызваны опасеніемъ, что онъ опять ускользнетъ и броситъ ее, какъ въ тотъ разъ.

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

„Службы“
„Des hangars“

Она умоляюще взглянула на художника. Уже не ждала ли она, что тотъ бросится ему вслѣдъ и остановитъ, сказавъ, что имъ не о чемъ говорить наединѣ съ его избранницей.

Но онъ не бросился, нѣтъ — наоборотъ, онъ плотно притворилъ за нимъ оставшуюся не вполне закрытой дверь и, нѣсколько разъ пройдя съ низко опущенной головой изъ угла въ уголь, остановился передъ ней съ лицомъ, на которомъ заметались такъ же острия тѣни, какъ у глухонѣмой. И она такъ же, какъ глухонѣмая, поняла его и забормотала сохнувшимъ языкомъ:

— Я лишь вчера вечеромъ увидалась съ нимъ и не успѣла вамъ сообщить. Но вѣдь это все равно.

Она не хотѣла сознаться, что поступила такъ изъ рабскаго страха, можетъ быть, изъ женскаго состраданія, болѣе слѣпого и жестокаго, чѣмъ злоба. Она даже была противъ этого визита. Лучше было уйти тайкомъ, чтобы онъ не зналъ. Пусть бы даже думалъ, что она опять бросилась въ рѣку. И пожалуй, дѣйствительно, такъ было бы лучше для него. Но тотъ, какъ человѣкъ благовоспитанный, настоялъ на своемъ. Онъ молча выслушалъ весь тотъ лепетъ, отъ котораго у него вздрагивало сердце, какъ-будто каждый звукъ ея голоса былъ ударомъ молота, бившаго по сердцу.

У него все же хватило духу отвѣтить съ обманувшимъ ее спокойствіемъ.

Да, да, она права. Онъ не имѣетъ основанія упрекать ее. Онъ лишь хотѣлъ бы довершить начатую съ ней картину. Онъ просилъ ее остаться у него на нѣкоторое время, хотя бы съ разрѣшенія... Онъ запнулся, не зная, какъ назвать его. Но она его быстро перебила съ нѣкоторымъ какъ-бы испугомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, онъ ни въ коемъ случаѣ не позволитъ остаться.

Онъ съ горечью понялъ, что ея испугъ относился не къ той невозможности, а къ то-

му, что она боялась опять-таки, что тотъ снова можетъ улизнуть и на этотъ разъ безслѣдно.

— Притомъ же, — поспѣшила добавить она съ наивной жестокостью, не замѣчая, что смертельно ранить его своей бессознательной правдой, — притомъ же, мы должны... Я должна сказать правду... — Но онъ, испугавшись этой правды, перебилъ ее, продолжая настаивать на своемъ:

— Если онъ не позволитъ вамъ остаться здѣсь, пусть разрѣшитъ поѣхать мнѣ туда, гдѣ вы будете жить, и тамъ закончить мою работу.

Дорогое для него дѣло, можетъ быть, самое важное во всей его жизни. Но она нервно-отрицательно покачала головой.

— Это невозможно. Это совсѣмъ невозможно, — и поспѣшила докончить для оправданія свою жестокую правду: — притомъ же ея дальнѣйшее присутствіе совершенно бесполезно для его работы. Онъ не найдетъ въ ней того, что до новой встрѣчи съ этимъ человѣкомъ оживляло и вдохновляло его трудъ.

Эта страшная правда была для него, какъ ударъ ножа въ сердце, хотя онъ почти признавалъ ее и самъ. Но примириться съ ней онъ не могъ. Это было страшнѣе, чѣмъ примириться съ смертнымъ приговоромъ. Что — смерть? Онъ пережилъ близость къ ней. Но теперь,

когда ему открылся такъ чудесно великій смыслъ жизни, ея святое оправданіе, онъ примириться не могъ и не хотѣлъ. Онъ будетъ бороться до послѣдняго. Онъ не хочетъ вѣрить, чтобы то самое Провидѣніе, которое сжалилось надъ нимъ и такъ чудесно его спасло при спасеніи чужой жизни, чтобы Оно могло лишить его великаго счастья — утвержденія той божественной силы, потому что каждое истинное твореніе искусства есть явленное людямъ утвержденіе Бога. Но если это суждено, если тотъ наглый паукъ пересѣкаетъ такъ грубо-улыбнувшуюся возможность, значить это не воля Провидѣнія, а глумленіе дьявола. Подразнить и бро-

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Старуха - бретонка
Une vieille bretonne

силь. За же чь свѣтъ, подобный свѣту лампадки передь алтаремъ Господнимъ, превратитъ его въ гибельный огонекъ надъ могилой. Нѣтъ, этого не можетъ быть, иначе — кто же та, кого онъ принялъ за тотъ спасенный имъ свѣточъ? Онъ сталъ умолять ее страстно и почти унижительно. Онъ говорилъ ей о своемъ и ея безсмертіи и о Божественномъ промыслѣ и чудѣ, и ему казалось иногда, что она колеблется и въ ея взглядѣ мерцаетъ родной душѣ огонекъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — вырвалось у нея съ нетерпѣніемъ, — не считите меня неблагоприятной, но это невозможно. Это бесполезно, и чѣмъ скорѣе мы разстанемся, тѣмъ лучше. Она уже смотрѣла на дверь, на часы, жадно ожидая своего избавителя. И стрѣлка подходила къ назначенной минутѣ. О, тотъ будетъ несомнѣнно точенъ. Онъ вотъ-вотъ явится и избавитъ ее отъ тяжкаго испытанія.

Но огонекъ этой мимолетной искорки уже заставилъ его загорѣться буйнымъ пламенемъ, а ея жадное ожиданіе привело его въ ярость.

— Ты останешься! — крикнулъ онъ ей.

Этотъ угрожающій крикъ сразу погасилъ послѣдній намекъ на засвѣтившуюся искру. Она раздраженно, почти съ ненавистью взглянула на него, и ея взглядъ блеснулъ холодной сталью того ножа, которымъ онъ потомъ искромсалъ свою неоконченную картину.

Сейчасъ этотъ длинный блестящій ножъ,

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Бретонецъ
Un breton

нему руками. Вбѣжалъ тотъ и съ нимъ глухонѣмая.

Умирая, она нашла въ себѣ силы завѣщать, чтобы его не судили за это убійство: вѣдь онъ взялъ лишь то, что по праву ему принадлежало.

— Подобно тому, — выразился въ рѣчи его защитникъ, — подобно тому, какъ принадлежитъ жемчужина пловцу, доставшему ее со дна моря.

Куда онъ исчезъ и что случилось съ нимъ послѣ суда, интересовались не долго. Да и ему самому тотъ остатокъ жизни былъ не интересенъ и не нуженъ: по крайней мѣрѣ, онъ-то себя на судѣ нисколько не выгораживалъ и не оправдывалъ.

А. Федоровъ

ИРИНА КНОРРИНГЪ

* * *

Папортникъ, тонкія березки.
Тихій свѣтъ, вечерній тихій свѣтъ.
И колесъ автомобильныхъ слѣдъ
На пустомъ и мгlistомъ перекресткѣ.

Ни стиховъ, ни боли, ни мученій.
Жизнь таинственно упрощена.
За спиной — лѣсная тишина,
Нѣжныя, взволнованныя тѣни.

Только позже, на лѣсной опушкѣ
Тихо дрогнула въ рукѣ рука.
— Я не думала, что жизнь хрупка,
Какъ фарфоровая бездѣлушка.

Ирина Кноррингъ

АНДРЕЙ ЗАДОНСКИЙ

ВАЛЬСЪ ГЛИНКИ

Это было въ тѣ безмятежные, крѣпкіе годы, когда у насъ, въ провинціи, знакомые бородастые почтальоны по понедѣльникамъ или вторникамъ — смотря по разстоянію отъ столицы — разносили по домамъ и квартирамъ знакомые зеленые пакетики съ Нивой: надвое сложенные номера журнала, пріятно хрустѣвшіе плотной бумагой и казавшіе уже при первомъ бѣгломъ осмотрѣ свои румяныя картинки Ижакевича или Горюшкина-Сорокопудова (эти двое болѣе другихъ связаны у меня съ Нивой...) и фотографіи К. К. Булла — вы помните? Внутри-же, въ такомъ зеленомъ, хрустящемъ гнѣздышкѣ, находились книжки приложений. Полныя собранія сочиненій — особенно, если это были Мей, безконечный Станюковичъ или Мольеръ — складывались, покуда, до переплетчика, на нижнихъ полкахъ книжныхъ шкафовъ все возраставшими неразрѣзанными стопами; ежемѣсячныя же книжки „литературныхъ приложений“ обыкновенно сразу поступали въ домашній оборотъ.

Ихъ съ особой охотой читали живавшіе при семейныхъ домахъ холостые и отставные дядюшки-подполковники, экономки или нѣмки-гувернантки, совершавшія по нимъ свои первыя робкія прогулки въ палисадники (не сады...) россійской словесности. Но и болѣе избалованные пользовались иногда этими зелеными или оранжевыми книжками, преимущественно при затихавшей зубной боли или во времена осеннихъ инфлуэнцій съ малиновымъ чаемъ и пріятнымъ полунедѣльнымъ лежаніемъ въ постели.

Тогда не безъ пріятности и съ той легкой истомой, какую придаетъ температура 37,4, прочитывались и рассказы Боборыкина, Авилевой и Баранцевича, и смѣсь, и стихи Щепкиной-Куперникъ...

Это было во времена Нивы, жоржбормановскаго шоколада, абрикосовскаго печенья, балабуховскаго сухого варенья, калинкинскаго кваса, Вяльцевой и всей той огромной суммы былого русскаго, что нынче живетъ только въ полутайномъ ларцѣ души, на которомъ, думается, золотой славянской вязью написано золотое, крѣпкое слово: память...

Въ тѣ годы было жаркое, южное, комариное лѣто, и это лѣто мы проводили у друзей, на артил-

лерійскомъ полигонѣ подъ Кіевомъ. Я помню раннія, звенѣвшія ухарской, будто раздуваемой мѣдью зори, помню сухіе, горячіе пески дорогъ между палатками и дачами, помню обиліе бронзоваго, подтянутаго, молодцеватаго солдатскаго люда, помню кавалькады наши по просѣкамъ сосноваго бора до станціи Дарница, помню чудесную упругость и легкую скрипучесть сѣдла, сдавленнаго ляшками, лоскъ и запотѣлость холеной конской головы, шелковистость гривы, веселое, послушное, податливое ржаніе, когда потреплешь нервную, вибрирующую шею и крѣпко соберешь поводья. И изъ всего этого молодого, сосноваго, жаркаго и загорѣлаго, что были тѣ дни на артиллерійскомъ полигонѣ, я помню — конечно — важнѣе и нѣжнѣе всего дѣвочку одну, Нину, смуглую подружку мою тѣхъ смуглыхъ, румяныхъ, пятнадцатилѣтнихъ временъ...

По утрамъ будили зори, всплески звенящей мѣди въ здоровый мальчишескій сонъ, днемъ были пески и сосны — жаркіе, сухіе скрипы стволовъ, тѣнь, текучіе гроздья смолы, стуки дятловъ — вечеромъ юлили комары, пылали долгіе малиновые закаты, а потомъ вздымался просторный звѣздный шатеръ, текла лунная парча, всюду была пахучесть отъ акацій, левкоевъ, липъ, остывающихъ сосенъ, маячили оранжевые свѣты сквозь мшавую парусину палатокъ, гдѣ-то глухо, по ночному, ржали кони, гдѣ-то барственно, командующимъ металломъ звенѣли офицерскіе голоса и жеманно смѣялись дамы, взлетали пробки бутылокъ, у собранія гудѣли пріѣхавшіе изъ Кіева автомобили, душно пахло бензиномъ, сигарами, кожей, Керъ-де-Жанеттомъ...

Мы, полудѣтская молодежь, всегда бывали гдѣ-нибудь около, не въ самой гущѣ происходящаго, не въ сердцевинѣ вечеринокъ, баловъ, спектаклей, а какъ-то между главнымъ и ночью на дворѣ, гдѣ-нибудь на перилахъ веранды, у гигантскихъ шаговъ, у коновязей, у автомобильныхъ стоянокъ. Но, принадлежа, какъ младшее поколѣніе, къ главному, мы урывками — и тѣмъ молодцеватѣе для насъ, чѣмъ чаще удавались эти урывки — получали и отъ главнаго: мазурку-ли — правда, безъ шпоръ, куцую и общипанную — бокаль-ли крющона, еще что-нибудь подхлестывающее, что со смѣхомъ

можно было унести на дворъ, на веранду, къ гигантскимъ шагамъ, въ ночь, къ сверстникамъ, чтобы подѣлиться съ ними этимъ хмелемъ и румянцемъ и науськать и ихъ на авантюру прониканія въ главное...

Въ то жадное молодое время, провѣянное солнцемъ, бронзою сосноваго бора, сухимъ разсыпчатымъ трескомъ гаркающихъ солдатскихъ голосовъ, бригадною стрѣльбою, лошадинымъ топотомъ, зноемъ — случился вечеръ одинъ, котораго я не забылъ и, думаю, не забуду впредь. Въ субботу, подъ вечеръ, весь домъ нашъ отправился въ Кіевъ, на музыку въ Купеческомъ саду.

Ѣхали въ двухъ экипажахъ — въ большомъ матушка, полковникъ Граціановъ съ женой и старшая дочь ихъ, Елена Моисевна, мужъ которой, штабной офицеръ, находился въ заграничной командировкѣ. Въ другомъ — мы, то-есть Нина,

братъ ея Коля, кадетъ, и я. Я помню медленный, шагъ за шагомъ топотъ копытъ по занозистому, пыльному настилу Цѣпного моста, помню — сквозь проплываніе желѣзныхъ дугъ — теплое золотое пламя лавры, Софіи, Первозваннаго, Златоверхаго, помню — вправо, за оливковыми купами деревьевъ — сѣрые, взнесенные, косо позлащенные румянцемъ вечера древніе контуры Равноапостольнаго съ крестомъ, а тамъ Подоль, пыланіе кирпича и желѣза, и между нимъ и заливыми лугами черниговскаго берега могучую, будто въ чешуйчатой сіяющей бронѣ грудь Днѣпра, веселое бѣлое снованіе пароходиковъ на Трухановъ островъ и обратно, лимонные языки мелей...

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Городъ въ Бретани
Une ville en Bretagne

Нѣжно, сиренево падали сумерки, и въ Купеческомъ саду уже зажглись дуговые фонари. Тамъ, чиркая ногами по гравію, гудя сдержаннымъ благозвучнымъ говоромъ и оставляя за собою запахъ сигарнаго дыма и французскихъ духовъ, непрерывно двигалась нарядная и выхоленная толпа. По откосамъ сада, сверкая капельками, темнымъ изумрудомъ лоснился политый дернъ, и за цѣпью оранжевыхъ и нѣжно-канареечныхъ настурцій рдѣли и великолѣпно, по вечернему, дышали темномалиновыя розы. Въ темнѣвшемъ перламутрѣ неба уже лучились первыя зерна звѣздъ, и за перилами сада, за сизымъ дымомъ Владимирской горки, Набережной и Подола стлалась огромная вечерняя даль, богатырскій просторъ рѣки, заливныхъ луговъ, черниговскихъ степей, Россіи...

...Въ ярко освѣщенной бѣлой раковинѣ собирались музыканты, тамъ на всѣ лады на-

страивались инструменты, низко, шмелями, гудѣли контрабасы, истомными и нѣжными струнами звенѣли скрипки, и всплывали смѣшныя рулады флейтъ:

Ту-ру-ру-ру-рии... ту-ру-ру-ру-раааа...

А потомъ вышла сѣдой и величественный дирижеръ, постучалъ палочкой объ пультъ, создавъ этимъ мгновенную, напряженную тишину у себя въ раковинѣ

и среди многоголовой нарядной толпы на скамьяхъ, взмахнулъ этой палочкой, и тогда началась длинная и скучная для насъ программа симфоническаго концерта. Долгая и непонятная была чья-то пятая симфонія, еще долгія и непонятныя увертюры, во время которыхъ Коля все ерзалъ на своемъ мѣстѣ,

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Материнство
La maternité

надувалъ щеки и шепталъ мнѣ свои планы, какъ-бы сбѣжать отъ этой „корявой чепухи“.

И только подъ самый конецъ программы нечаянная радость обожгла насъ всѣхъ — оркестръ заигралъ вальсъ-фантазію Глинки. Помню, какъ легко и понятно, какъ отъ словъ любимого лирическаго стихотворенія, шли ко мнѣ эти звуки и какъ отъ нихъ, лившихся молодой и будто радостной тоской, я ощущалъ утверждение всѣхъ свѣтлыхъ мыслей и чувствъ во мнѣ. Я видѣлъ, какъ полковникъ, еще разъ убѣдившись по лежавшей у него на колѣняхъ программѣ, что это дѣйствительно и есть знаменитый вальсъ Глинки, успокоенно улыбнувшись, принялся покачивать головой въ тактъ вальсу. Я видѣлъ, какъ Елена Моисевна, охвативъ хо-

леными бѣлыми руками колѣни и слегка нагнувшись впередъ, слушала, закусивъ губы, — и такимъ мягкимъ и красивымъ казался мнѣ изгибъ ея молодой, тронутой легкимъ лѣтнимъ загаромъ шеи. Я видѣлъ, какъ даже Коля пересталъ ерзать и оглядываться по сторонамъ. Но больше всего я смотрѣлъ на Нину и понималъ по теплому, живому огоньку, зажегшемуся въ ея карихъ глазахъ, что и для нея этотъ нѣжный, хрупкій вальсъ ближе и роднѣе тѣхъ громоздкихъ и непонятныхъ пьесъ, что шли въ началѣ концерта.

И еще я понималъ, что ревность, которую я во все лѣто испытывалъ къ ней, когда за нею увивались другіе полигонскіе кадеты и гимназисты, и которая была и въ этотъ вечеръ, от-

того что поручикъ Рудневъ, ухаживавшій за Еленой Моисевной, отъ времени до времени поглядывалъ и на нее и шептался съ нею — что ревность эта ничто по сравненію съ теплотою и ласковостью звуковъ и тѣмъ сложнымъ и чудеснымъ, что они разбудили во всѣхъ насъ.

Послѣ вальса, не дослушавъ программы, мы отправились ужинать въ ресторанъ на горкѣ, похожій снизу на освѣщенную и нарядную палубу парохода. Тамъ вкусно пахло огуречнымъ салатомъ, пряными соусами и клубникой, тамъ были тѣ-же нарядные люди за столиками и безшумные, предупредительные лакеи, тамъ на столбахъ террасы висѣли лоснившіяся таблицы въ бамбуковыхъ рамкахъ — Свѣжіе раки — и пріятно-прохладно ощущались сложенные колпачками салфетки. Полковникъ, послѣ долгихъ переговоровъ съ кельнеромъ, весело размахи-

валъ картой винъ въ тактъ полонезу, которымъ внизу, на площадкѣ, заканчивался концертъ, всѣ смѣялись надъ нимъ, и только Елена Моисевна, кутаясь въ соболій палантинъ, надула губы и сказала съ шутливой укоризной:

— Ну папа, ну что ты въ самомъ дѣлѣ?!

Коля, сидѣвшій рядомъ со мною, все подталкивалъ меня колѣнкой, а я опять мучился ревностью, словно зубной болью, и ненавидѣлъ поручика Руднева, властно и сладко завладѣвшаго Ниной.

Когда, послѣ ресторана, выйдя изъ уже опустѣвшаго сада, мы по широкимъ каменнымъ ступенямъ начали спускаться на Царскую площадь, вдругъ, сначала медленно, будто раздумывая, а потомъ все быстрѣе и торопливѣе западали крупныя и теплыя капли дождя, изрѣшетившія ступени и поднявшія влажный лѣтній запахъ смоченной пыли. Надъ площадью

Б. Григорьевъ
B. Grigorieff

Бѣдность
La pauvreté

и Крещатикомъ вдали повисла косая, дымчатая сѣть. По ступенямъ сада, придерживая шляпы, сбѣгали дамы, за ними, гремя шашками, неслись со смѣхомъ офицеры. На тротуарѣ, у лимузиновъ и успѣвшихъ уже поднять верхи извозчиковъ, торопливо уславливались и прощались. Наши экипажи стояли поодаль, и полковничій кучеръ, солдатъ Сидоркинъ съ сергою въ ухѣ, ругалъ шоферовъ, не позволившихъ ему подѣхать ближе. Нина, уже съ иной, чѣмъ съ Рудневымъ, домашней, полигонской улыбкой взглянула на насъ съ Колей и нырнула подъ верхъ экипажа, сразу погасившаго бѣлое сверканіе ея нарядной фигурки. Тогда Коля, крикнувъ: „Полѣзай, братъ“, толкнулъ меня на сидѣніе рядомъ съ сестрою, а самъ, поднявъ воротникъ шинели, сѣлъ напротивъ.

Звякнувъ копытами по торцамъ, медленно двинулись кони. Проплылъ ярко освѣщенный кіоскъ, передъ которымъ два мальчика въ сермяжныхъ передникахъ спѣшно накрывали заваленный фруктами прилавокъ рогожными цыновками. Маяча красноватымъ свѣтомъ, длинно звеня, проползъ двойной трамвай, спускаясь къ Набережной, изъ мути косога дождя вырывались освѣщенные буквы вывѣсокъ: гостиница Савой... мѣховое заведеніе Я. Кравеца... Потомъ высокой грудью всталъ, исполосанный дождемъ, бархатный дернъ Владимирской горки, и впереди, цѣпью огней, трубъ и мутнымъ маревомъ обозначился Подоль. Потомъ все это рѣзко, внезапно потонуло и погасло — экипажи повернули въ густую и темную липовую аллею, направляясь къ мосту.

Душно запахло отцвѣтающей липой, влажной листвою, взбитой дождемъ пылью. По кожаному верху защелкали, цѣпляясь, вѣтви деревьевъ, а фонари выхватывали изъ тьмы мшистые стволы, лопухи, кучи щебня. Впереди, за спиною кучера, кругло, размѣрно двигались залоснившіеся и потемнѣвшіе отъ дождя конскіе зады, и въ душной тишинѣ аллеи слышались только скрипъ колесъ, дробь вѣтвей по верху коляски, еканье лошадиныхъ селезенокъ да заглушенный пылью лязгъ копытъ.

Долго была эта ускользящая мягкая темнота подъ кожанымъ верхомъ экипажа, фонарный свѣтъ, бѣлыя полоски Колиныхъ погонъ и смѣшная его сонная голова, все ниже склонявшаяся впередъ и путавшаяся съ отворотами шинели, долго былъ широкой, со вздувшимися

складками и тремя освѣщенными пуговицами армякъ кучера, мокрые зады и подвязанные хвосты лошадей впереди, скрипъ рессоръ, высѣкающей искры лязгъ копытъ, кучи щебня, духъ увядающихъ липъ. И тогда вдругъ, будто такъ надо было, будто безъ этого ночь и мѣръ и наша жизнь лишились-бы самага главнаго и неминуемаго, мы съ Ниной близко придвинулись другъ къ другу, коснулись другъ друга похолодѣвшими робкими руками и тогда — бездумно, счастливо и радостно — встрѣтились губами. Ничего не сказали другъ другу и ни въ чемъ не поклялись — только горячо и освобожденно слились улыбкой и жаждой губъ, мягкой прохладой щекъ, крѣпкимъ сжатіемъ пальцевъ, молодостью...

...Потомъ, уже за Цѣпнымъ мостомъ и рѣчной слободкой, кучеръ вдругъ запрукалъ, остановилъ лошадей, спрыгнувъ съ козелъ, мягко шлепнувъ сапогами по влажной пыли, забѣжалъ за кузовъ и опустил верхъ коляски. Коля, качнувъ головой, проснулся и сонно спросилъ:

— Что такое... а?.. Полигонъ?..

— Слободнѣй ѣхать будетъ, — сказалъ кучеръ, запахивая полы армяка и взбираясь на козлы. — Пронесло дождикъ. Ннно-ооо, милья!..

Сразу, вмгъ, сдѣлалось сине и просторно, будто раздвинулись стѣны лѣса и огромнымъ просіяннымъ пологомъ засизѣло ночное небо съ четкой сыпью млечнаго пути. Дождь пересталъ, но кругомъ еще все было наполнено его крѣпкимъ живительнымъ дыханіемъ. Вскорѣ коляска, свернувъ съ шоссе, защелкала колесами по хворосту и корнямъ просѣки, и впереди, изъ частокола стволовъ, выплеснулись огни полигона...

...Надъ жизнью полегли тѣни, злые буераки шершавыми языками подточили пути, туда, въ пропасть, отгрошились пласты и глыбы намѣченныхъ тропъ, свалились растоптанные цвѣтушіе злаки, меды и вѣхи бытія. Но если я сажусь за фортепiano и такъ — безъ нотъ, по звукамъ, сохранившимся въ ларцѣ памяти — играю, стараюсь сыграть вальсъ Глинки — я вижу, чувствую и слышу свои пятнадцать лѣтъ, комариное лѣто на артиллерійскомъ полигонѣ, золотую, теплую мѣдь Печерской лавры, нарядную безмятежность кіевского душистаго вечера, дыханіе дождя и липъ, огромную, живую незабываемость былого...

Андрей Задонскій

ПОРВОЗНАШЫ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1929 № 42

Борисъ Григорьевъ
Boris Grigorieff

Автопортретъ
L'auto-portrait